

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЕГИН

ДМБ

ДЕМБЕЛЬСКИЙ АККОРД

ВЕСЁЛЫЕ АРМЕЙСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДМБ

Михаил Серегин
Дембельский аккорд

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Дембельский аккорд / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (ДМБ)

Традиция дембельский аккорд пошла еще с советских времен, когда отцы-командиры перед уходом на гражданку давали солдатам последнее задание. Вот и взвод химзащиты отправлен в Чечню за считанные дни до дембеля. Лейтенант Мудрецкий — командир добросовестный. Если уж надо воевать, значит, надо! А если от его газовой атаки пострадают не только боевики, но и свои, значит, придется разобраться и с этим вопросом. Против лома нет приема, а против комиссии, приехавшей разобраться, прием всегда найдется, например, слабительное...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Серегин

ДМБ: Дембельский аккорд

Пролог

На указанном лично генералом Крутовым маршруте документы у химвзвода проверили шесть раз. Сначала это сделал разморенный жарой усатый сержант-контрактник, лениво вышедший из накрытой маскировочной сетью груды бетонных блоков. Верх сетки был прикреплен к побитому временем и пулями здоровенному жестяному щиту с облупившейся надписью: «Добро пожаловать в...» Нижняя часть щита была закрашена относительно недавно – на белой поверхности солдатские руки не слишком ровно начертали при помощи рыжего сурика: «Стой! Предъяви документы!»

– Ни черта себе названьице... – пробурчал лейтенант Мудрецкий, провожая взглядом красно-бурые буквы. – Вот это мы приехали!

Местность, куда так радостно пригласили химиков, вполне, надо заметить, соответствовала названию.

Проверяли при въезде и выезде. Проверяли хмуро и подозрительно – в этом случае магически действовали подпись Крутова и могучее заклинание: «Мы из резервной тактической группы...» – к тому моменту, когда нужно было говорить номер армии, одна рука проверяющего возвращала бумаги, а вторая уже летела к головному убору (если он имелся на установленном месте). Проверяли равнодушно – скользили взглядом по печати и подписи, вяло отмахивались и уходили поскорее в тени. Проверяли и с дружескими напутствиями – когда выяснялось, что взвод только что прибыл из России и еще ни черта не разбирается в особенностях местной жизни.

В конце концов изрядно помятая и потерявшая изначальную белизну пачка бумаг оказалась в руках такого же мятого и несвежего старлея с нашивкой внутренних войск на рукаве. Встретивший маленькую колонну у въезда в село местный житель в милицейской форме и с «калашом» на плече после долгих уговоров чуть ли не за руку вытащил этого представителя военной власти из домишки с российским триколором на телевизионной антенне.

– Комендант Хохол-Юрта старший лейтенант Чирков, – со вздохом отрекомендовалась военная власть и погрузилась в угадывание букв на документах. Минут через пять сонное выражение на старлейском лице сменилось встревоженным. – Эй, эй, земляки, вы чего, ко мне на усиление?! Я ничего такого не просил! У меня все тихо!

– А мы просили? А нас кто спрашивал? – Мудрецкий начал тихо звереть от всего, что ему уготовила родная армия за один день. Вот сейчас выяснится, что опять вышла какая-то ошибка и им нужно куда-то дальше ехать... По Чечне, между прочим, хотя тут вроде бы и тыл. А время уже крепко к вечеру. – У меня приказ от генерала Крутова, лично! Доехать до Хохол-Юрта, наладить взаимодействие с комендатурой, занять позиции и ждать дальнейших распоряжений!

Простое словосочетание «занять позиции» добило старлея Чиркова. Влет и почти насмерть – если судить по окончательно ослабевшему голосу.

– Какие позиции, вы что? Вы вообще что здесь собираетесь делать?! Какие спецсредства, ребята, у меня здесь два месяца тихо!..

Опровергая слова коменданта, где-то далеко за селом грохнули два приглушенных взрыва.

– ...Разве что рыбу иногда глушат! – даже не покосившись в ту сторону, закончил Чирков. – Ну вот зачем в наших краях группа специального назначения, а? Да еще взвод спецсредств? Или это такой секрет, что коменданту знать не положено?

– Такой, что даже командир взвода не знает! – четко и честно заявил Юрий. – Мы, понимаешь ли, едем, куда послали, а не куда хочется. С тобой что, по радиации никто не связался?

– У меня связь по плану – три раза в день. В обед точно ничего не было, а до вечерней... – Комендант поглядел на часы. – До нее, значит, еще полтора часа.

– А на приеме никто не сидит, что ли? – изумился местным порядкам Мудрецкий. Как-то не так он себе представлял воюющую армию. Ну, пускай, это даже не вся армия, и, судя по благодушию старлея, давно не воюет, но все-таки – зона боевых действий... Опять-таки, обстановка сложная, если усиливают... – Вот если сейчас что-то случится и срочно вызвать нужно будет, тогда как?

– На приеме никто не сидит, потому что аккумуляторы дрянь, а рация и того хуже, – впервые за всю беседу улыбнулся Чирков. – Когда что-то будет срочное, местной администрации позвонят раньше, чем про меня начальство вспомнит. А мэр уже мне сообщит, я и свяжусь вне очереди... если получится. Кстати, а у вас со связью как? – несколько оживился комендант.

– «Сто двадцать третья» на «бэрдэме» и три «сто пятьдесят седьмых», – припомнил Мудрецкий, и мятый старший лейтенант заметно поник. Покачал головой, опять сокрушенно вздохнул:

– Ладно, до Шелковской, может, и докричимся если что, а они уже дальше передадут. Ну, отдыхайте пока, а через полтора часа, может быть, я и выясню, что с вами делать и за что вас на мою голову вывалили.

– Слушай, старлей... земляк... – Юрий попытался обратиться как-нибудь помягче. Для этого приходилось задвигать свои чувства в самый дальний угол и придавливать их там остатками хорошего воспитания. – Ты покажи пока, где нам размещаться. Учти только – палаток у нас нет, сухого пайка нет, патронов... – Мудрецкий хотел было сказать, что и патронов тоже нет, но решил быть честным. К тому же – черт его знает, этого коменданта, которому новости местная администрация сообщает. – Патронов тоже побольше бы не помешает. Нам вообще сказали, что мы здесь все получим и на довольствие в местной комендатуре становимся.

– А я ничего не знаю, мне никто ничего не говорил! – завертел головой Чирков. Нашел взглядом «шишигу» и уставился на нее так, словно из ее скромного кузова сейчас вылезет полсотни проголодавшихся головорезов с добрыми повадками некоторых диких племен. Тех, которые своих соседей настойчиво приглашают на завтрак, обед и ужин – в качестве главного блюда. И первой закуской, несомненно, должен был оказаться именно он, попавшийся под руку комендант этого небольшого села. – Сколько вас вообще?!

– Двенадцать человек. Если со мной считать, – уточнил Юрий. – А по продуктам – тринадцать, одному у нас двойная норма положена.

В подтверждение этих слов из кабины грузовика выбрался-выдавился Простаков, которому надоело сидеть, скрючившись в три погребели. После его прыжка окрестности слегка покачнулись; впрочем, на извечно склонном к землетрясениям Кавказе никто на это не собирался обращать излишнего внимания.

– Так, на три... нет, на два дня я вам сухпай найду. – Приближение огромного младшего сержанта явно заставило мозги Чиркова шевелиться быстрее. – Потом вам придется за ним в Шелковскую сгонять или куда там вас припишут, я не знаю. Патронов к автомату ящик дам, больше не получится. Вот гранаты к подствольнику лишние есть – надо?

– Нет, спасибо, пока обойдемся. – Подствольный гранатомет Мудрецкий, само собой, видел не только в кино – у разведчиков в батальоне такие, кажется, были, – но вот стрелять из него пока что не доводилось. Как, впрочем, и держать в руках. – Слушай, земляк, а может, у тебя «шмели» лишние найдутся?

– Ну вот, а я у вас спросить хотел... – в который уж раз за последние полчаса расстроился невзрачный комендант. – Не, я свои уже давно вы... сдал, в общем. Не нужны они здесь. Химик, а химик, у тебя «ЯДГ» есть? Слезогонка? Нет, я на что-то ваше особенное и не прицениваюсь, но, может, хоть парочку шашек неучтенных найдете?

– Там видно будет, – осторожно ответил Мудрецкий. – Так где нам можно разместиться?

– погоди, это так просто не решишь. Надо с Вохой поговорить, ну, с администрацией здешней. Так и так, приехали, мол, гости из... Откуда, кстати, приехали-то?

– Из Шиханов. – Путаницу с Чернодырьем Юрий решил не продолжать.

– Из Шиханов, из Шиханов... – забормотал комендант, потом это название перемкнуло какой-то контакт у него в голове, и глаза старшего лейтенанта Чиркова полезли на побледневший лоб. Комендант вдруг куда-то заторопился. – Знаете, я, наверное, пока что и сам кое-что подыскать могу. Ну, на первый случай. А потом получше найдем, честное слово, вот только обсудим, обязательно, сейчас без этого никак нельзя... Вам как, если просто крыша и стены, пока хватит? Ну, на сегодня, пока погода теплая? Потом мы и с печкой найдем, и вообще...

– Ладно, так что у вас там? – от перемен в состоянии коменданта начинала кружиться голова, а Юрию не хотелось терять боеспособность и контроль за ситуацией. – Где вы нас поселить будете?..

Когда коротенькая колонна химиков зафыркала и попылила в указанном лейтенанту направлении, старлей Чирков схватился руками за потяжелевшую голову и немного покачал ею, словно проверяя – на месте ли, не отвалится ли случайно. Потом повернулся к чернявому усатому автоматчику в милицейской форме и горестно спросил:

– Ну вот что мне теперь делать, а? Химиков только мне не хватало! Химиков, понимаешь?! Еще и из Шиханов! Знаешь, что это такое? Это у них почти как Арзамас-16, только по отраве! Угадай, что теперь будет?

– Башир будет, – понимающе кивнул милиционер. – Он химик не любит. Когда брат Москва погиб – совсем химию не любит, хотел взрыв на химзавод делать. Теперь узнает – им тут не жить, нам тут не жить. Капец к нам приехал, товарищ старлей.

– Получается, что так, – вздохнул комендант и опять посмотрел на оседающее пыльное облако. – Так и доложим начальству – сегодня генерал Крутов прислал нам полный звездец. И нам, и всему селу. Что делать-то будем, а?

– Вохе говорить надо, – посоветовал автоматчик. – Он тут главный, пусть думает. Сам знаешь, у него...

– Не знаю и знать не хочу, – резко перебил старлей. – Узнаю – должен буду принять меры, понял? Так что давай сделаем просто – никому ничего пока не скажем. Прислали нам войска на усиление, мы их разместили... совместно с администрацией. А кто там теперь стоит – может, и не узнает никто. На них же не написано...

– Узнают, товарищ старлей, – возразил усатый. – Войска не машина, в гараж не запрешь, чтобы не видел. Три дня – все знают, четыре – Башир знает, неделя – мстить придет. Всех сразу резать будет. Вохе сказать надо. Пусть со своим... ну, сам знаешь, с кем... подумают, что делать будем. Слушай, товарищ старлей, ты мне одну вещь скажи – зачем так мало прислали, да? Там и ползвода нет! Это что, такой спецназ крутой?

– Похоже на то, – задумчиво пробормотал Чирков. – Видел, сержант у них какой здоровенный? Да еще и патронов им побольше... Зачем химикам патроны, а? Нормальные химики вообще стрелять не должны!

– Значит, ненормальный химик приехал, – сделал вывод милиционер. Очень точный вывод, хотя ни он, ни его собеседник об этом знать не могли. Но уже начинали догадываться о том, что приключений и происшествий в тихом и до сегодняшнего дня позабытом Хохол-Юрте теперь хватит на всех. С избытком, еще и про запас останется.

Глава 1

Где-то на юге

Ефрейтор Резинкин осторожно приоткрыл дверь и на мгновение высунул голову в проем. Тут же отшатнулся. Вовремя, очень вовремя – мимо носа просвистело, потом дважды шелкнуло по доскам крыльца. Жестяная крыша над головой звенела от частых и сильных ударов. Через щель было хорошо видно, как грязь во дворе выбрасывает невысокие, тут же опадающие фонтанчики.

– Плохо дело, товарищ лейтенант, – не оборачиваясь, пробормотал Витек. – Не пройдем мы, точно говорю, не пройдем.

– А если перебежкой? – тотчас отозвался из глубины дома взводный. – Быстренько проскочишь, нырнешь в люк, подгонишь бээрдэму к самой двери...

– Не получится перебежкой, не добегу я. Так в этой грязи и останусь. – Голос Резинкина стал тоскливым, как вой брошенной хозяевами собаки. – Вы сами посмотрите, товарищ лейтенант, что тут творится! Вот же попали, называется, на курорты солнечного Кавказа!

– Ничего, ничего, не раскисай раньше времени! – Мудрецкий появился в коридоре, привычно поддернул сползающий с плеча ремень автомата. – Что у тебя тут, совсем плохо? Дай-ка разберусь, что к чему... Ну, это еще терпимо, вчера хуже было! Так что готовься – Родина ждет от тебя подвига! Если что, буду перед генералом Крутовым хлопотать, чтобы орден дали.

– Разве что посмертно, товарищ лейтенант, – все так же тоскливо вздохнул Витек, глядя на хлюпающие фонтанчики. – Вчера двор не так развезло, бежать проще было, и то чуть без ноги не остался.

– А ты надеялся что-то от Крутова при жизни получить? – удивился лейтенант. – Конечно, посмертно! А насчет ноги – это ты будешь молодым в Чернодырье рассказывать, когда вернемся. Подумаешь, увяз! Вот погоди, просохнет малость, я тебя заставлю этот бахил раскопать и привести в порядок. Ты почему его не завязал как следует, Резина ты пробитая?! Ну ладно бы на скорость надевал, норматив бы сдавал, а то для себя ведь! Вот и плюхай теперь в берцах!

– Товарищ лейтенант, за что?! – в ужасе взвыл Резинкин. – Может, лучше Леха сгоняет?! Ему там по щиколотку только!

– Ага, и машину тоже он подгонит? – ехидно поинтересовался Мудрецкий. – И даже заведет с одного раза? Эй, Простаков, тут твой боевой товарищ предлагает на тебя стрелки перекинуть – говорит, тебе сейчас по двору бегать удобнее!

– Товарищ лейтенант, разрешите, я его сам перекину?! – ведущий внутрь дома проем перекрыла огромная пятнистая глыба. – Он у меня прямо на броню перелетит, и ног не замочит!

– Я сам, я сам! – заорал Резинкин, попятившись от сибирского Гулливера и прижимаясь спиной к двери. – Товарищ лейтенант... Вы, если что, домой напишите – мол, геройски погиб при исполнении, все такое... Может, им хоть льготы какие-нибудь будут.

– Так, все, у меня через девять минут связь с генералом, и я уже зверею! – Мудрецкий внимательно посмотрел сначала на Простакова, потом на Резинкина. – Товарищ ефрейтор, возьмите бахил у Заморина, влазьте в о-зэ-ка, и через три минуты я вижу вашу задницу ныряющей в люк. Если опоздаете – на четвертой минуте Простаков начинает готовиться в сборную по баскетболу. Поскольку мяча у нас нет – будем играть вашей головой. Понятно? Вр-ремя па-ашло-о-о!!!

Как может подняться пыль в сыром коридоре – да не просто подняться, а закрутиться мелкими вихрями! – так никто и не понял. Но факт оставался фактом – взвились вихри,

повисли и долго еще не могли успокоиться, хотя поднявший их Резинкин уже скрылся. Откуда-то из глубины здания донесся обиженный голос рядового Заморина. Донесся и затих, подавленный короткой, но вполне отчетливой серией шлепков – словно кто-то пробежался по фанере в резиновых калошах. Простаков ошалело потряс головой и отлепился было от стены, куда его вдавил воздушный поток, но тут же вновь прижался к облупившейся штукатурке. Мимо него промчалось привидение – едко-зеленое, с горящими глазами под низко надвинутым капюшоном. Лейтенант вовремя успел пнуть входную дверь – привидения-то умеют проходить и через запертые, а вот «ОЗК» – они резиновые, они сквозь такие преграды проникать точно не могут. Так что порчу казенного имущества следовало предотвратить...

Через полминуты перед дверью возникла зеленая бронированная туша, покачивающая в такт неторопливому движению длинным прутом антенны. Колеса еще раз натужно провернулись, вывернули липкие пласты и бессильно замерли. Из люка взвилось привидение, перелетело на жалобно вякнувшие доски крыльца, ворвалось в дверь и отрапортовало:

– Товарищ лейтенант, приказание выполнено, машина в полной готовности, радиостанция включена!

– Ну вот, а ты ныл – не дойду, утону!.. – Мудрецкий посмотрел на часы. – Вот можешь ведь, если захочешь! Четыре минуты на все про все, вместе с движением. Все, давай плащ сюда, пошел я с начальством общаться... Потом отгонишь машину на место и свободен до вечера. Можешь поспать, тебе в караул ночью.

– А может, здесь ее пока оставим, а вечером я... – забормотал было ефрейтор, но под взглядом командира сжался, замолчал и начал стаскивать влажно блестящую химзащиту.

– Ты ее здесь оставишь, а Фролу у ворот с одним автоматом прыгать если что? Это тебе не такси, это огневая точка вроде бы. Ты теперь в армии, а не в гостях у подполковника Стойлохрякова, боец! – Лейтенант говорил почти ласково, но Резинкин на всякий случай начал потихоньку отступать за широкую спину Лехи Простакова. Мало ли что? Это год назад взводного, «пиджака» интеллигентного, можно было подкалывать и временами в упор не замечать. А уж как изменился, когда в эту долбаную Чечню попал... Откуда только у бывшего близорукое студента с язвой и командный голос взялся, и взгляд, от которого иной раз Леха меньше ростом становится – снизу вверх на командира смотрит?

– Так, давай плащ сюда, и я пошел! – Мудрецкий завернулся в шуршащую зеленую оболочку и выскочил под проливной дождь. Одним движением вскочил на броню, вторым – скрылся в люке, третьим – высунулся из «БРДМ» и показал Резинкину кулак. – Почему люк за собой не закрыл?! Ну погоди, Резина, вылезу – порву!!!

– Ага, только сначала просохни, – хихикнул Витек, как только тяжелая крышка опустилась на предназначенное ей место.

– Ты чего это? – удивленно уставился на него Простаков.

– А ты сам прикинь – люк-то я открывал над командирским местом... Допер?

– Не-а, – честно признался Леха.

– Во-во, и он тоже не сразу, только когда уже на сиденье плюхнулся. Ну, люк открыт, дождик – сам видишь, сиденье – клеенка, да еще и продавлено малость. А ему на рации работать надо срочно, он и сел с размаху, не глядя. Как думаешь, много там натечь успело?

– Наряда на два точно. – Широкое сибирское лицо расплылось в ехидной ухмылке. – Так что выпись сегодня получше, завтра не получится. Слушай, а вообще-то прикольно, что мы сюда попали, точно? Будет о чем дома рассказать – все-таки на войну съездили!

– Вот погоди, обратно приедем, тогда и говори, – проворчал Резинкин. – Как оставят нас тут до самого дембеля... А потом кто-нибудь возьмет и приколется. И нас заодно приколется. Ну его на хрен, такое приключение, и без него будет чего вспомнить... Скажешь, нет?

– А чего такого вспоминать-то? – Леха задумался. Крепко задумался. Как всегда, этот процесс затянулся надолго...

В это время лейтенант Мудрецкий занимался одновременно двумя важными делами – укладывал на мокрое сиденье пятнистый бушлат, снятый со спинки водительского сиденья, и пытался настроить рацию. Старенькая рация хрипела из последних сил, иногда горестно подвывала, но соединять взвод спецсредств с командованием отказывалась напрочь.

– Сорок два полста один, Сорок два полста один, я Сорок два тридцать пять, прием. – Мудрецкий поплотнее прижал черные кожаные «пилюли» ларингофонов к шее. – Сорок два полста один, ответьте Сорок два тридцать пятому, прием...

Рация насмешливо заулюлюкала, потом раздался отчетливый и узнаваемый звук сливаемой в унитаз воды. В наушниках побулькало, потом помолчало минуту-другую и начало задумчиво насвистывать.

– Сорок два полста первый, Сорок два полста первый, отвечайте Сорок два тридцать пятому, прием...

Рация сердито зарычала и неожиданно откликнулась хриплым, смутно знакомым голосом:

– Задолбал ты, Сорок два тридцать пятый! Если так приспичило поговорить – мотай в комендатуру и по телефону позвони! Ну не слышат тебя, не слышат! Чего орешь-то, чего эфир засоряешь?

Мудрецкий от неожиданности подпрыгнул так, что крышка люка, встретившаяся с упакованной в шлемофон макушкой, зазвенела и чавкнула раскисшим уплотнителем.

– Я Сорок два тридцать пять, кто на связи?!

– Ага, не узнал! Богатым буду! – радостно хихикнули наушники. – Я Триста шестьдесят шестой, помнишь такого? Заходи, поговорим, тут как раз новостей пачка. Один черт: не докричишься до начальства – твою Сто двадцать третью и в Гудермесе не слышать уже, а Полста первый сейчас в Ханкале. С московскими друзьями водку пьянствует.

– А ты-то откуда знаешь? – изумился Юрий. – Что, в пачке новостей и эта есть?

– Есть, конечно. Приедешь, могу даже сказать, с кем именно. Три часа назад прилетели, а местные уже и звездочки на плечах пересчитали, и по должностям знают. Секретность у вас в армии, блин... Давай подваливай. Будем проводить профилактику терроризма, преступности и простудных заболеваний. В такой сырости они очень хорошо распространяются, так что надо срочные меры принять. У меня все снаряжение уже готово, но можешь и свое прихватить, чтобы никому мало не показалось. Как понял, Сорок два тридцать пять?

– Триста шестьдесят шестой, вас понял! Понял хорошо, жди! Сейчас подъеду! Конец связи! – Мудрецкий быстро вырубил рацию, приоткрыл люк и заорал: – Резинкин!!! Отдых отменяется – хватай Заботина, берите оружие и быстро сюда! Простаков! Я уезжаю, остаешься за старшего!

Юрий прислушался к топоту и мату, бурным потоком хлынувшему из двери. Вздохнул и покосился на баранку руля. В сотый раз прочел вырезанное на ней мрачное предупреждение: «Кто в жизни счастья не нашел, тот в химвойска служить пошел!» Кивнул, соглашаясь. От этого нехитрого движения что-то сдвинулось в голове, встало на место, и Мудрецкий припечатал вовремя пришедшую мысль звонким шлепком по лбу. Заначка! Пока Резинкин возится, заначку надо достать!

Хорошо, что «БРДМ» – машина тесная, это вам не какой-нибудь «Хаммер» Филиппа Киркорова: вагон размера и на две гайки смысла... Не-ет, наш родной армейский уют как-то ближе. И функциональнее. А всяческие придамбасы... Ну есть там у него встроенный бар со всякими джинами и висками, и что? Чем мы хуже? Ничем. Юрий перегнулся через спинку сиденья, придирчиво оглядел висящий на борту серый ящик со странным для посторонних названием «АСП». Прислушался к происходящему за бортом броневика, не отметил ничего подозрительного и решительно открыл прибор. Пошарил в нем, извлек хищно булькнувший пластиковый пакет и удовлетворенно запихал подальше за пазуху. Захлопнул крышку. Шкаф-

чик получился удобный, а главное – сразу не видно, есть ли там что-то постороннее. Знать нужно, где в нем искать...

Тут лейтенантский взгляд упал на соседний небольшой зеленый ящичек. Точнее, на защелку крышки, подозрительно ярко блестящую в полумраке боевого отделения.

Осторожно, словно мину неизвестной конструкции, Мудрецкий вскрыл знакомый еще с военной кафедры прибор. Запустил руку в пластиково-металлические потроха, не обнаружил ничего постороннего, не полагаящегося по инструкции и принципиальной схеме. Хотел уже облегченно вздохнуть – но воздух в горло не пошел. Вместо этого пришлось невольно задерживать дыхание, пока пальцы осторожно свинчивали резьбовую крышечку и нашаривали нечто совсем уж в этом устройстве лишнее – только вот непонятно – что именно. На ощупь резиновое... Брезгливое воображение Юрия уже представило себе использованный презерватив... а пальцы между тем уже сделали свое дело.

И в самом деле – «резинотехническое изделие номер два», как его когда-то называли в советских аптеках. Завязанное узелком. Вот только содержимое этого изделия было для него несколько необычным.

Мудрецкий аккуратно развязал узелок, вытащил темный шарик, чуть потер пальцем и понюхал. Она, родная... Резинка с изъятой контрабандой отправилась вслед за персональной лейтенантской заначкой, а прибор был приведен в изначальное состояние. Небеспособное, разумеется. За что сегодня кто-то получит отдельную премию. Не Нобелевскую, конечно, но все равно мало не покажется. А еще надо бы не забыть выяснить, где бойцы ухитрились саму упаковку достать. С учетом того, что ближайший ларек – да и аптека, если уж на то пошло, – в четырех километрах отсюда. Если по прямой, то есть через лес, два канала и минное поле.

Простучали доски крыльца, потом гулко ухнули по броне подошвы солдатских ботинок. В соседний люк вместе с потоками дождя ворвался Резинкин, плюхнулся на свое место и тут же захлопнул за собой крышку. Обернулся, чтобы повесить на спинку автомат, несколько секунд соображал, чего же не хватает на привычном рабочем месте, а потом жалобно обратился к Мудрецкому:

– А... Это... Товарищ лейтенант, вы мой бушлатик не видели?

– Вот этот, что ли? – Взводный чуть приподнялся и вытащил из-под себя изрядно промокшую камуфляжную тряпку. – Держи, спасибо. Сильно пригодился. А то тут какой-то мудака криворукий люк забыл закрыть, натекло на сидушку. Найду козла – два наряда вне очереди получит. Ты не знаешь, кто бы это мог быть?

– Никак нет, товарищ лейтенант! – поспешно отрапортовал Витек. – Может, из молодых кто?

– Не знаешь, значит, кто у тебя в машине последним был. – Мудрецкий вздохнул и покачал головой. – Эх, Резинкин, Резинкин, а ведь это твой броневик, ты должен и во сне чувствовать, когда кто-то даже рядом проходит... Ну, раз не знаешь, кто без тебя вверенную тебе боевую технику гоняет, да еще и в зоне боевых действий...

Лейтенант несколько секунд любовался, как лицо водителя меняет цвет от красного до молочно-белого. Дождавшись, когда физиономия засветится лунным сиянием, Юрий сменил гнев на милость:

– Ладно, не будет тебе трибунала, хотя дисбат по тебе, раздолбаю, не плачет даже – нервно всхлипывает, все ждет и никак не дождется в свои крепкие объятия... Шлепнуть бы тебя на месте, да патронов жалко, пригодятся еще. Так что два наряда возьми себе, будешь нашу развалину в жилой вид приводить. При помощи ведра и тряпки. А то натоптали за последние дни, свиньи, наляпали грязи, прямо как коровы какие-то... Только сначала потолок подбелишь, да и стены тоже кое-где не помешает. Да, а Заботин где пропал? Ты его вызвал?

Снова застучали доски крыльца, кто-то плюхнулся на броню и начал скрести ногтями крышку командирского люка. Потом в стальной блин вежливо постучали.

– Занято! – откликнулся Мудрецкий. – Так, Резина, время не ждет – заводи и поехали к воротам!

Постучали настойчивее и звонче – похоже, прикладом. Пришлось открывать и смотреть на фигуру в плаще, мрачной тенью нависающую над люком. Из-под капюшона выглянул встревоженный Заботин – единственный «дед» взвода.

– Товарищ лейтенант, чего тут у вас?

– У нас? – Мудрецкий удивленно оглянулся на Резинкина. – Да в общем-то ничего особенного, все как всегда. Вот, Валета сменить нужно, со мной поедет. А что случилось-то?

– Да вот... – Заботин замялся и зачем-то высунул из-под плаща дуло автомата. – Говорят, воевать скоро будем.

– И кто говорит?

– Леха сказал, еще до того, как... В общем, сразу, как вы крикнули. А чего, товарищ лейтенант, и в самом деле война?

– Тут каждый день война, не знаешь, что ли?

– Да ну, я про настоящую... – Заботин отмахнулся и поправил перекосившийся плащ. – Народ говорит, нам чичики за «Норд-Ост» мстить будут. За то, что их там потравили... Мол, мы тоже химики, вот и ответим.

– Надо будет – и ответим, Заботин. – Лейтенант снова нахмурился, на этот раз грозно. – Чисто конкретно ответим, так, что никому мало не покажется. Так народу и передашь, когда с поста сменишься. Что там за народ, кстати, с такими точными сведениями?

– Слухом земля полнится, товарищ лейтенант. Так что, значит, точно война? Может, тогда еще кого-нибудь мне на подмогу поставите?

– Пока что обойдешься, поскучаешь. – Мудрецкий еле сдержал облегченный вздох. Очередная сплетня, значит. Самозарождающаяся из местной грязи. – Вот приеду от коменданта, там видно будет. А то кое-какие новости мне лично сообщить грозятся, по радиции нельзя – очень уж секретно... Может, нас сейчас на какую-нибудь спецоперацию кинут. Мы ж все-таки резервная спецгруппа теперь, вот и могут вспомнить. Заводи, Резинкин! Да, кстати, хочешь домой раньше времени?

– Это смотря в каком виде! – моментально догадался Резинкин. Бронемашина дернулась раз-другой и нехотя начала разворачиваться. – Погодите, товарищ лейтенант, а то... ну, екарный!..

Под кормой захрустело и затрещало.

– Перед побелкой еще и чинишь крыльцо, – кивнул Мудрецкий. – Смотри, ворота не снеси – Простакова в помощь не дам, в одно рыло будешь все на место ставить!

– Вот не надо бы под руку! – взмолился ефрейтор, с наугой выворачивая баранку руля. – И так по этой грязюке она не идет почти... А если на операцию – Валет-то вам зачем понадобился?

– Стреляет хорошо и бдительность на высоте! – отрубил Юрий. – Солдат, проснись! Не в Госдуме, блин! Может, ты еще приказы обсуждать будешь?! В первом чтении, во втором... Так давай, не стесняйся, я тебя сразу на второй срок переизберу! Хочешь по второму сроку Родине служить?

– Никак нет, товарищ лейтенант! – Даже в тусклом свете, еле-еле сочащемся из притененного «ресничкой» стекла, лоб Резинкина заблестел от крупных капель пота.

– А почему? – вкрадчиво поинтересовался командир. – Не любишь Родину, что ли? Так я тебя научу ее любить! А уж как она тебя полюбит, Резинкин! Никакой бабы после этого не захочется. Да и не сможешь ты после этого уже никого любить. Не будет у тебя такой возможности. Вон, в Шиханах говорили – рядом с нашим Саратовом какой-то могильник ядерный, им дозиметриста не хватает. Я тебя быстренько научу, там ничего сложного... Стоп, приехали!

На полуспущенных шинах и в липкой грязи у бронированной разведывательно-дозорной машины тормозной путь практически отсутствует. То есть останавливается она сразу – со всеми возможными последствиями для экипажа. Мудрецкий успел упереться лбом в броню и покрепче вцепиться в кресло, Резинкин откинулся на спинку сиденья и изо всех сил уперся в руль. Что-то жалобно звякнуло за его спиной, и тут же Виктор схлопотал по затылку чем-то железным, гибким и колючим. Обернулся – из-под пулемета свисала длинная, посверкивающая желтыми пулями лента. Конец ее терялся где-то за спиной взводного. Одной рукой лейтенант держался за поясницу, второй выковыривал зеленую жестяную коробку из-за сиденья.

– Какой развездяй в последний раз пулемет заряжал?! – Мудрецкий все-таки вытащил жестянку и теперь подкидывал в руке, словно примериваясь, в кого бы ее запустить. – И вообще, кто его заряженным оставил?! Вот заденете однажды спуск не вовремя – и будет из кого-нибудь нежный мясной фарш... Русским же языком говорил: вынимайте ленту! Каждый раз вынимайте! Там за пять секунд зарядить можно, если вдруг что!

– Так это же целых пять секунд, вот как раз и не хватит... – пробормотал Резинкин.

За бортом раздалось мерное хлюпанье. Пришлось открывать люк и выглядывать.

– Товарищ лейтенант, а когда меня менять будут? Чего-то я тут уже подмерзать начал...

– Сейчас согреешься. Лично позабочусь, – пообещал Мудрецкий и горестным взглядом окинул свои владения.

Лет десять назад, не меньше, здесь располагалось что-то сельскохозяйственное и механизированное. По крайней мере ржавые останки пары тракторов и каких-то моторов и сейчас можно было обнаружить под выщербленным бетонным забором. Возле покореженных и наполовину сорванных ворот имелась будка вахтера, за две войны изрядно поклеванная пулями и лишившаяся окон – вместо них белела свежая кладка из силикатного кирпича, подслеповато щурившаяся на окрестности узкими бойницами. Заложённые окна были первым строительным объектом, освоенным химиками после заселения в эти развалины. Вторым было приведение если не в божеский, то хотя бы в человеческий вид крыши над бывшей мастерской – ныне казармой резервной тактической спецгруппы. Третий объект из-за проливных дождей остался недостроенным – опять-таки кирпичная сторожевая вышка на бетонной крыше бывшего навеса, когда-то прятавшего от дождя изрядное количество самой мирной техники, а теперь приютившего одинокую «шишигу». Вышка должна была стать шедевром местной фортификации и строилась по персональному проекту лейтенанта Мудрецкого.

Юрий не поленился лично провести эксперимент и выяснить, что силикатный кирпич даже в два ряда не всегда спасает от очереди из пулемета. Обычного «ПКТ», торчащего из башенки химразведывательной машины. Так что башня предполагалась многослойная, на зависть танковой броне, теоретически способной выдержать даже прямое попадание из гранатомета. В ней лейтенант предполагал разместить свой командно-наблюдательный пункт. Сидеть во время боя на чердаке, под тонкими жестянками, было как-то неуютно и неудобно. К тому же обзор оттуда был отвратительный, а с крыши навеса – почти идеальный. Как раз в нужную сторону – к лесу и дороге, а заодно и подходы к воротам просматривались.

Местное население к перестройке в развалинах отнеслось спокойно и с пониманием, даже помогло раздобыть цемент. Не бесплатно, совсем не бесплатно, но и не слишком дорого по здешним меркам. Местный комендант тоже полюбовался на строительные работы, дал несколько весьма ценных советов по обустройству в боевой обстановке и в очередной раз шумно обрадовался своей гениальной идее – поселить здесь свалившихся в его вотчину химиков. И места много, и забор крепкий, и для обороны удобно, и до села почти километр лесом, а по дороге – так и все полтора... Комендант сидел со своим взводом в Хохол-Юрте уже несколько месяцев, собирался мирно прожить со здешним населением еще столько же и совсем не хотел оказаться рядом с химиками, если у тех по ошибке сработает какое-то «спецсредство».

Тем паче что химики были не свои, а армейские, да еще и прямиком из Шиханов – черт его знает, какую новейшую гадость они могли притащить на полевые испытания...

То, что наши российские специальные газы, – самые гуманные отравляющие газы в мире – не сильно разбирают, кто там свой, а кто боевик, известно всей стране. И ведь заранее не вычислишь, какая тут будет концентрация и нет ли у тебя, случаем, повышенной индивидуальной восприимчивости... Так что лучше держаться подальше. И за лесом. И чтобы от села подальше – химики навоняют и уедут, а комендант останется с мирными... то есть в этом случае уже не совсем мирными, даже скорее наоборот... жителями. А для старлея эта командировка на войну была не первой и даже не второй, так что добродушие местного населения он сумел оценить и расставаться с ним не собирался. Лейтенант Мудрецкий был об этом извещен прямо в день своего приезда. Как и о том, что ближайшее начальство со стороны Российской армии, которое, по мнению генерала Крутова, обязано химиков обеспечить всем необходимым, находится еще в паре верст отсюда и само не слишком богато... а коменданту никто на незваных гостей-помощников ни патроны, ни сухпай не выделяет и не собирается. Впрочем, любую проблему можно решить...

– Валет! – Лейтенант вспомнил о проблемах, о предстоящем решении и решил еще раз уточнить детали. – Почем в прошлый раз торговались, не помнишь?

– «Вэвэшники» предлагают по сотне патронов за «синеглазку», если автоматные, и пулеметную ленту на двести пятьдесят – за три. Подствольник я пробовал сторговать – говорят, самым нужны, да и менять нам не на что... – Бывший коммерсант, а нынче младший сержант Валетов был самым секретным оружием химзвода, о котором затеявший свой маленький бизнес комендант и не подозревал. – Сухпая нам еще четыре коробки должны на том посту, что возле моста через канал. Замок ихний брался достать по два барана за «ОЗК», но я отказался.

– Это почему?! – возмутился Мудрецкий. – А что мы жрать будем? Тот мешок макарон, которым нас от имени Крутова облагодетельствовали?! Ты вот Простакову скажи, что от двух баранов отказался!

– Уже сказал, товарищ лейтенант. – Фрол был явно весьма горд своими достижениями. – И сказал, что с местными можно договориться по пять за два плаща, если целые и не клеенные нигде, а с бахилами и противогазами – и шесть дают.

– А противогазы-то им зачем? – Возмущение сменилось изумлением.

– Да ну, штука-то полезная... Ну, если что красить, например. Или вот выгребные ямы чистить, тоже очень пригодится. – Валетов дернулся от нахлынувших воспоминаний. – И вообще, мало ли что, товарищ лейтенант. Мы-то здесь – вот местные противогазами и запасаются.

– Продать им, что ли... Там от волковских еще штук пять осталось. А рации мелкие, «сто пятьдесят седьмые», никому не пробовал толкнуть?

– Пробовал, и больше не буду, товарищ лейтенант.

– Это почему же?

– Издеваются. И те, и другие. Местный один хотел парочку купить, детям поиграться, но больно уж дешево хочет – по гранате за рацию. А соседи просто смеются – говорят, наши армейские станции надо в эти... в вибраторы переделывать, тогда, мол, хоть кому-то нужны будут.

– Так, понятно, вопрос закрыт. – Мудрецкий нахмурился: запас товара для обмена стремительно сокращался. Практически до предела. Недельку еще можно продержаться, ну десять дней, а дальше – или колесить по всей Чечне в поисках генерала Крутова, или своим ходом возвращаться в Шиханы, рискуя попасть в гости к прокурору, или начать распродавать имущество, попавшее к химикам не под шумок и горячую руку Простакова, а под личную ответственность лейтенанта Мудрецкого. С тем же прокурорским результатом, только статья другая. Но все равно – «в боевой обстановке»... Ну, что-то еще можно будет списать на боевые потери, но

всерьез и окончательно проблему решало только оружие. Или его продавать местным – против чего в Юрии Мудрецком решительно протестовало все, включая желудок: голод переносится все-таки легче, чем отравление свинцовой пулей – или... Или это оружие нужно применять. Как висящее на сцене ружье у товарища Чехова. Последняя мысль вывела Юрия из безнадежного уныния, и он даже мельком поглядел на покачивающуюся над «бээрдээмой» антенну – не появился ли там черный флажок с радостной черепашкой и берцовыми костями...

– Товарищ лейтенант, ну что, поехали? – Фрол явно предвкушал предстоящие коммерческие операции и не сильно верил в боевые.

– Младший сержант Валетов! Сдать пост рядовому Заботину!

– Ворота одни, будка одна, «шишига» одна, казарма одна, до леса триста метров, за время дежурства происшествий не было, – скороговоркой пробормотал Валетов. – Пост сдал!

– Пост принял! – обреченно ответил взводный «дед» и полез в будку, предусмотрительно не дожидаясь, пока из-под колес стартующей «бээрдээмы» вылетят грязевые фонтаны.

Валетов вскарабкался на броню, деловито стянул бахилы и начал стучать ими по мокрому борту, обтряхивая липкие комья.

– Это ты куда собрался, а? – поинтересовался у него Мудрецкий.

– Как куда?! С вами, товарищ лейтенант, вы же сами сказали! – Фрол чуть не свалился с броневика. – Вот, чтобы грязь в салон не тащить...

– Ага, в салон, значит. На свое место. Ты у нас химиком-разведчиком числишься, так?

– Так точно... – Валетов начал понимать, что разговор начинается как-то не совсем обычно, но куда клонит лейтенант, пока не сообразил. – В башне, у пулемета мое место.

– Та-ак, ты у нас еще и пулеметчик по совместительству... Ну-ну, ныряй, проверяй свое оружие. Резинкин, заводи, поехали!

Фрол провалился в люк, следом неспешно залез Мудрецкий. «Бээрдээмка» обиженно заныла, прочихалась и выдернула все свои семь тонн на раскисшую полосу, неделю назад бывшую довольно-таки неплохой дорогой.

– Так, шас уберу, товарищ лейтенант, сей момент все упакуем! – Валетов на ходу начал укладывать ленту в коробку. Ловкости и скорости рук позавидовал бы и знаменитый маг Дэвид Копперфильд. К тому же избалованному американцу явно никогда не приходилось работать внутри железной коробки, резво скачущей по всем встречным и поперечным ухабам. – Значит, защелка на место не встала, когда прошлый раз коробку менял...

– Менял, говоришь... Защелка... А почему вообще лента в пулемет вставлена, а?!

– Ну так, товарищ лейтенант... в постоянной готовности же! Только затвор передернуть – и все, можно стрелять.

– Затвор, говоришь? В стволе точно патрона нет? – Мудрецкий зловеще прищурился. – Ну-ка, вылазь наверх и садись перед дулом. Давай, давай, выбирайся! – Лейтенант подвинулся и приглашающе приоткрыл крышку люка. – А я сейчас на твое место сяду.

– Товарищ лейтенант, а может, не надо?! – Коробка выпала из рук фокусника и коммерсанта, и любовно уложенная лента радостно улеглась на пол. – Честное слово, я вам еще пригожусь! Вот прямо сегодня!

– Давай, давай, выбирайся наверх! Я даже электроспуск не буду проверять, включен или нет. Должен быть выключен, правда? А то мало ли что...

– Так точно, выключен, товарищ лейтенант! – Фрол попробовал выпрямиться и козырнуть, но очередной ухаб пресек это уставное намерение в самом начале. Для продолжения доклада младшему сержанту пришлось отскрести себя от задней стенки, за которой подвывал и взрыкивал двигатель. – Я службу знаю!

Мудрецкий ухватился за торчащий под пулеметом маховик с длинной шершавой рукояткой, придавил обтянутую черной резинкой кнопку. Над головами химиков коротко грох-

нуло, болтающаяся лента дернулась вверх, как подсеченная рыба. Две гильзы весело поскакали искать себе укромное местечко в боевом отделении.

– Я тоже знаю, – сообщил лейтенант побледневшему Валетову. – Приводи в порядок пулемет, сейчас еще и приборы проверять будем, они вроде бы тоже за тобой числятся?

– А приборы-то нам здесь зачем? – совершенно искренне удивился Фрол. – Вроде не на учениях, газы тут никто тоже не применяет...

– А чтобы работали! Басай не первый год грозитя чего-нибудь сварить или купить и на русских опробовать – не знаешь, что ли? Вот привезут ему зарин-зоман, который Саддам Хусейн от американцев заначил, что тогда делать будешь? Носом определять? – Мудрецкий постучал по зеленому ящику газоанализатора. – Забыл, как вы чуть с перепугу не померли, когда эта штука сработала? А тут дерьмо может похуже быть! Вот сейчас включу – будет оно в боевой готовности?

– Должно быть, товарищ лейтенант! – Голос Валетова предательски дрогнул. – Я, правда, не знаю, может, там чего-нибудь не настроено или высохло чего... Там же вроде какие-то реактивы заливаются, нет?

– Заливаются конечно же. Там специальные такие баночки, и крышечки у них на резьбе. Не заглядывал, что ли, ни разу? – Голос Мудрецкого стал ласковым, словно у папаши, встречающего из школы сына-отличника. – Ну, загляни, проверь, все ли на месте...

– Товарищ лейтенант, я больше не буду!!! – в ужасе заорал Фрол, глядя на шарящего за пазухой командира. После приезда в Чечню лейтенантский «макаров» в кобуре на поясе не был ни разу, это знали все. – Товарищ лейтенант, это я в первый раз, ну бес попутал! И только за свои, ничего казенного я без вас не загонял, вот клянусь! Зуб даю!

– Зуб я у тебя и сам возьму, если надо, – пообещал Мудрецкий. – Даже без стоматолога. А что первый раз – это ты, боец, следователю расскажи, если придется. Я с тобой, раздолбаем, почти полтора года служу, и от каких радостей ты в армию сбежал, тоже знаю... Опять за старое? Резинкин, осторожнее по лесу-то, на обочину не вываливайся! Наедем на железку – взлетим к чертовой матери!

– Она под землей, а не на небесах, товарищ лейтенант, – процедил Витек сквозь зубы. Руль вырывался и дергался, дорога прыгала в небольшом лобовом стекле. Хорошо еще, что «реснички» прикрывали от дождя. А еще лучше, что их не пришлось закрывать и высматривать через мокрые перископы, где там обочины и где деревья. – Так что к ангелам улетим.

– Не доросли мы тут до ангелов. – Юрий вытащил из-за пазухи презерватив с темными шариками. – Мы тут используем вверенную боевую технику в своих личных и преступных целях. На свои, говоришь? И откуда у тебя столько своих завелось, ась? Не слышу ответа, товарищ младший сержант!

– Да... ну, заначка была, товарищ лейтенант! И я ж не для себя, я для всех!

– Ага, еще и распространение. Сбыт наркотиков в... – Мудрецкий тряхнул резинкой, прикинул вес. – Можно считать, в крупных размерах. У местных брал?

– Так точно... – совершенно упавшим голосом пробурчал Фрол.

– И почему тут нынче анаша?... Ладно, можешь не отвечать. Я в общем-то чужие деньги не считаю. Сам вычисляй, на сколько баксов я вечером костерчик устрою. А заодно поправочку введи в сроки своего дембеля. Сразу на тридцатое июня стрелки переводы, на двадцать три часа пятьдесят девять минут по московскому времени. Секунда в секунду. Проводишь нас вот с Резинкиным – и будешь молодым рассказывать, какой у тебя добрый был взводный и как ты легко отделался. Точно, Резинкин?

– Точно, товарищ лейтенант. – Дорога стала получше, под колесами попадались раскрошенные цементные блямбы. Впереди светлой полосой нарисовался конец лесной дороги, а за ним – крыши Хохол-Юрта. Витек перевел дух и утер рукавом пот со лба. – Нам куда, к комендатуре или к сельсовету?

– Сейчас узнаем. – Мудрецкий щелкнул выключателем рации. – Триста шестьдесят шестой, я Сорок два тридцать пять, ты где сейчас? Прием.

– Подъезжай к школе, не ошибешься, – отозвался в наушниках голос коменданта. – Тут для тебя еще новости пришли, вместе с мэром и его ребятами. Как понял? Прием!

– Понял тебя, Триста шестьдесят шестой... А новости-то хорошие или плохие?

– Вот подъезжай, узнаешь! Ты сам где сейчас?

– Как раз твой второй пост проезжаю, – за стеклами «бээрдээмы» действительно показались бетонные блоки и спрятавшийся за ними «БТР» с красно-желтым кругом на башне.

– И что там мои делают? – поинтересовался комендант.

– От дождя прячутся... нет, вот один выглянул, рукой помахал. Резинкин, мигни фарами и по улице – налево, к школе.

– Понял уже, товарищ лейтенант. – Витек вывернул баранку. – Тут до школы-то... Приехали, автобус дальше не идет!

– Вот раздолбай, мать их прости господи! – бушевал комендант. – И что, никто не сунулся пароль спросить, документы проверить?

– Даже в лицо не узнали, у меня все внизу были. Просто у меня машина приметная, тут в окрестностях химики, кроме нас, не водятся, – усмехнулся Юрий.

– Мало ли что машина – может, вас уже перебили, а броню угнали на хрен... Ну, сейчас выйду...

– И встретишь гостей, потом со своими разберешься. Все, встречай, конец связи. – Мудрецкий выключил рацию, стянул с головы шлемофон и надел кепку. Осторожно приоткрыл люк, выглянул наружу. Не поверил своим глазам, протянул руку ладонью вверх. – Надо же! Как раз дождик кончился!

* * *

Старший лейтенант Игорь Чирков, комендант забытого богом и начальством Хохол-Юрта, на Кавказе провел больше половины своего служебного времени и местные обычаи если и не узнал, то освоил.

– Ты давай, давай, разливай свое спецсредство, новости потом будут! – увещевал он Мудрецкого. – Учись, как здесь дела делаются: сначала гостя надо накормить-напоить, отдохнуть малость, за жизнь поговорить, а потом уже и к делу. Понимаешь?

– П-понимаю, – с трудом кивнул Юрий. – И все равно разливать не буду. Не хочу.

– Это почему? – от удивления комендант даже оторвал глаза от кружки и быстро-быстро заморгал. – Чего, хочешь сказать, тебе уже хватит, что ли? Ну, блин, химик, чему вас только учат!

– Так я тебе и сказал! Это ж военная тайна! – Мудрецкий погрозил старлею пальцем. – Тем более при посторонних!

– Это Воха посторонний, что ли? Да ну, химик, ты вообще загался! Это мы тут посторонние, а он как раз свой! Разливай, не стесняйся!

– Н-не буду! Не хочу разливать – и так заначка последняя! Чего ее зря тратить-то?! Вот налить – это могу, это прям сейчас... Ты, Игорь, где сейчас? В классе русского языка и литературы, правильно? Вот и следи за родной речью! Родную речь надо любить и ценить – правильно я говорю, Воха?

Со стены на скромную военно-полевую трапезу укоризненно смотрели светила русской словесности. Пушкин вообще отвернулся и печально глядел в окно, Гоголь вытянул свой знаменитый нос к сдвинутым партам, уставленным скромными закусками – от шашлычка из молодого барашка до выпотрошенных банок с тушенкой и килькой в томате. Павшие в сражении бутылки, еще источавшие терпкий запах домашнего вина, уже успели эвакуировать на подокон-

ник, так что царствовал на столе полиэтиленовый пузырь с прозрачной жидкостью. Антон Павлович Чехов присматривался к этой емкости через пенсне – видимо, как бывший врач, смог уверенно опознать в содержимом медицинский «спиритус вини». Председательствовал на собрании строгий граф Толстой – он висел на самом почетном месте, над доской. Не исключено, что при этом представитель русского дворянства занимал гвоздик, когда-то забитый для вождя мирового пролетариата...

Мудрецкий повертел головой – чего-то в этой компании не хватало. Точнее, кого-то. Портреты те же самые, что и в саратовских школах, но комплект неполный. И ведь классика не хватает, кого-то, обязательного для изучения... Пушкин, Гоголь... Вот, вспомнил!

– Слушай, Воха, дорогой, а Лермонтова почему нет? Места не хватило?

Третий участник застолья, крепкий мужик с заметной проседью в черных волосах, поднял голову и тоже осмотрел портретную галерею. Поскреб аккуратно подстриженную бородку, повернулся к Юрию, тяжело вздохнул:

– Эхх, Юра, как же места нет! Класс большой, можно хоть пять Лермонтовых повесить! Ладно, не хотел говорить, тебе скажу. Оккупант был, понимаешь? С нами воевал? Воевал! О нас плохо писал? Писал! Зачем его портрет в классе? Все равно детишки испортят, только учителю их ругать надо будет, а потом лезть портрет снимать. Зачем лишняя работа, зачем лишний скандал? Лучше сразу снять, понимаешь?

– Все, понял, вопросов больше нет... – Мудрецкий хотел снова кивнуть, но решил не рисковать. – О, погоди! А если он оккупант, то мы кто? Мы тут воюем или как считаемся?

– Вы – гости! – Воха широким жестом показал на стол. – Вы ко мне пришли! Случайно зашел – все равно гость! Вот ты, Юра, сюда воевать приехал, нет? Ездишь, стреляешь, воюешь?

– Я сюда не ехал, меня сюда привезли. А стрелять мне вообще не положено. Химик я, понимаешь? Зарин-зоманч я, мое дело газы всякие, радиация... У нас и патронов-то почти нет! – Мудрецкий понял, что сказал или что-то не то, или не тому, кому следовало, но никак не мог сообразить, в чем именно его ошибка. Поискал ее, не нашел и бросил это бесполезное и утомительное занятие.

– Слушай, патронов нет – так идем ко мне, я тебе продам пару штук! – обрадовался гостеприимный хозяин. – Ну пару ящиков продам! Клянусь, дешево! Пять возьмешь – скидку сделаю! Бери, тебе надо будет, я тебе как мэр говорю! – Тут глава местной администрации тоже как-то резко замолчал и мрачно уставился на плакат с правилами написания сочетаний «жи» и «ши».

– Ну, давай, если сторгуемся, в хозяйстве пригодится... – И тут до Юрия дошло. – Погоди, погоди, это для чего мне нужно будет? Да еще и пять ящиков на двенадцать рыл – это ж почти по тысяче патронов на бойца! Мы же тут не на полгода, когда я их отстрелять успею?

Молчание повисло в классе – тяжелое, словно бодун после большого праздника. Лев Николаевич Толстой смотрел на Юрия совсем уж сурово: то ли как непротивленец злу насильем, то ли как бывший артиллерийский офицер, сидевший в осаде и знающий цену боезапасу. Наконец комендант негромко кашлянул и сказал совершенно трезвым голосом:

– Ну вот, а так хорошо сидели... Не воевал ты, Юра, ну просто ни разу. Тысяча патронов на ствол – этого тебе на день не хватит, если всерьез прижмут... Это так, продержаться до подхода основных сил. Которые у нас обычно вообще не приходят. Ладно, давайте уж о делах, раз начали. Тебе какие новости сначала говорить – одну хорошую или все плохие?

– Давай хорошую, что ли, – обреченно махнул рукой Мудрецкий. – Все равно ведь бестолковая, или нет?

– Да как сказать... Ну, в общем, тебе решать. Генерал Дубинин из Москвы прилетел и очень удивился, когда не нашел на месте Сашку-оборотня, с которым тебя в Шиханах попутали. Сильно рассердился, требует своих разведчиков, а ему сказали, что Крутов какую-то

спецгруппу под себя загреб и сюда переслал. Так что приказал разобраться, доложить и устранить, чтобы впредь неповадно было. Чуешь, чем пахнет?

– Йес!!! – Юрий с размаху хлопнул по столу, зашипел и начал трясти отшибленной ладонью. – Вот это новость! Ну, мужики, давайте я вам налью – считайте, отходная!

– Не чуешь, – горестно отметил старлей. – И вообще, ты насчет отходной... того... лучше уж на посошок, но и то не торопись, успеешь еще. Тебе не к спеху.

– Это почему вдруг? – Мудрецкий замер. – Сам же сказал – разберутся и устранят! Значит, скоро обратно отправят!

– Значит, скоро сюда приедет начальство, будет выяснять, кто ты вообще есть и каким образом тут оказался. Потом дождутся, пока Волков с ребятами до места доберутся – не ослаблять же группировку, так? Ну а вот потом уже, может быть, если позволит обстановка, да найдется, кем тебя заменить, да если Крутов не решит твой взвод себе оставить и с вашим округом не договорится... В общем, как приказ получишь – домой двигаться, вот тогда на посошок и выпьем. Так что для тебя тут хорошего пока что только одно – если все бумаги найдутся, начальство вспомнит, к кому вас приписывали. Если не прозеваешь момент – может, выпростишь чего-нибудь под это дело. Совсем повезет – будешь все, что нужно, регулярно получать. О тебе вспомнят, чего еще надо? Так что через недельку жди больших гостей – подкрась там, побели что можно, воинов своих в человеческий вид приведи, а то прилетит вдруг полковник в боевом вертолете... будет тебе кино. Фильм ужасов.

– Согласен, – радостно кивнул Юрий. – И на ужастик согласен. С названием «Иногда они возвращаются».

– Слушай, не надо, да?! Накаркаешь, а меня потом будут и в район, и в Грозный таскать – почему случилось, почему не знали, зачем допустили?! – Воха даже вскочил со стула и испуганно заметался по классу. – Ты так не шути, у меня с этой войной сердце больное стало! Ты фильм смотрел, про что – знаешь? Про живых мертвецов! Хочешь таким возвращаться – хорошо, я мешать не буду. Только езжай в другое место, дорогой, не надо здесь! И так с тобой не знаешь, куда бегать, куда смотреть!

– Это почему вдруг? Мы что, обидели кого-нибудь? Сидим черт знает где, в какой-то мастерской разбитой, в деревню твою не ходим почти, что берем – за все платим. – Мудрецкий не на шутку разозлился. – Живем там как не знаю кто, ждем себе дембеля – а он тут бегаёт, оказывается! Что, помешали кому-то? Местной власти, что ли? И чем это вдруг, а, дорогой?!

– Да живи, живи как хочешь! – махнула на него рукой местная власть. – Если сумеешь – живи, один был бы – сказал, совсем к нам переселяйся! Ты не мне мешаешь, ты не Хохол-Юрту мешаешь! Был бы ты пехота – вообще никому не мешал бы, спал бы спокойно, да! Ты скажи: зачем тебя из твоих Шиханов прислали? Только честно скажи, тут чужих нету сейчас!

– Слушай, а тебе-то зачем? Приказали – приехал! Надо было кому-то – прислали! Я уже язык стер, пока повторял: перепутали нас, пе-ре-пу-та-ли!!! С взводом старшего лейтенанта Волкова, вашего долбаного спецназовца из вашего гребаного Черноды... блин, Черноречья! Мы в одной роте в Шиханах были, палатки рядом стояли!

– Вот видишь! – Воха и комендант сказали это одновременно, как по команде, и понимающе переглянулись. Старлей продолжил: – А теперь ты еще скажи, что у вас не спецназ. Слушай, тут почти все в армии служили, а если нет – им отцы порассказали. С советских времен уставы вроде бы не сильно менялись, точно? Если в одной роте были – значит, и распорядок дня у вас был общий. Ты думаешь, я не знаю, что обычные бойцы зарядку для «краповых беретов» не выдерживают – падают на четвертом километре? Да и прошлый раз ты сам рассказывал, что вы друг друга воевать учили. У вас весь взвод – разведчики, мои орлы с твоими уже пообщаться успели, выяснили. Этот, торгош твой мелкий, рассказывал, что вы вообще на соревнования с натовцами ездили, даже чего-то там у них повыигрывали... И как вас в тайгу на выживание с вертолетов кидали, тоже рассказывал, когда сухпай торговал. Ты не думай, мы

тут тоже не глухие, не слепые, и даже иногда кое-чего соображаем! Обычные части у нас в тайге по месяцу не гоняют, только элиту...

– Валетов, сука-а-а!!! – Мудрецкий вскочил и заорал так, что Пушкин подпрыгнул и свалился со стены. – У-убью-у-у-у!!!

В коридоре послышался топот, и в дверях класса показался запыхавшийся Фрол.

– Звали, товарищ лейтенант? Чего нужно-то, я сейчас...

– Сейчас, сейчас, ты только стой, никуда не уходи! – Со второй попытки Юрий все-таки достал из-за пазухи «макара», щелкнул предохранителем. – Ты вот так стой, паскуда...

Валет успел-таки броситься за дверь – только глаза блеснули. Белые, круглые и очень большие. Грохнуло так, словно по зданию врезали огромной кувалдой. Пуля выбила из стены кусок штукатурки и с визгом унеслась по коридору, как отпущенный на перемену перво-клашка. Второго выстрела не получилось – взвизгивая над столом комендант достал руку разбушевавшегося взводного тяжелым каблуком кирзового ботинка. Получивший независимость «макаров» ударил графа Толстого точно в переносицу – видимо, у старого советского пистолета были свои счета с пацифистами.

– Ты чего, лейтенант, совсем долбанулся? – Старлей был очень удивлен, но это не мешало ему аккуратно скручивать дергающегося Мудрецкого в замысловатый узел. – Пить надо меньше! Нет, земля, я тебя, конечно, где-то понимаю, секретность и все такое, но чтобы за это своих солдат на месте стрелять... Ну у вас в Шиханах и порядочки! Отдал бы особистам, те разобрались бы, чего он там разгласил, а чего нет. Или у тебя полномочия особые?

– Он не долбанулся, он обдолбился. – Воха поднял с пола резиновый пакетик, присматрелся к содержимому. – Еще и пил потом... Слушай, Игорь, хорошо, что мы до спирта добраться не успели! Знаешь, что тут было бы?

– Догадываюсь, – пробурчал комендант, снимая с Мудрецкого портупею и обвязывая сложную конструкцию с торчащими в разные стороны руками и ногами. – Он бы нас тут всех положил.

Камуфлированный узел задергался и протестующе замычал.

– Видишь, не всех, – уточнил Воха. – Только меня. Ему за тебя не платят, ему за меня заплатят. Сотню баксов. Они только прилетели, чуть в Каспийске чабана с бараном не перепутали. Не слышал, что ли?

– Так это они были? – старлей присвистнул и попытался затянуть ремень потуже. – Вот мы, блинский корень, попали! Слушай, может, там специально нарков пособирали и к нам прислали? Они же за дозу все что хошь сделают и потом даже совестью не будут мучиться. Потому как нечем – все скурили и скололи. Ну-ка, погоди... – Комендант перевернул дрыгающегося и отчаянно мычащего Мудрецкого, нашарил где-то в глубине живого свертка карман и вытянул оранжевую коробочку аптечки. – Точно! Ты погляди – ничего же нет, одни шприцы! Раз, два... шесть штук, куда ему столько!

– А ты его спроси! – посоветовал мэр. – Пистолет возьми, развяжи немножко и спроси. Слушай, а может, пусть их Башир всех зарежет, а? Ну, получим мы с тобой звездюлей, но потом какая жизнь будет спокойная!

– Не будет нам спокойной жизни, Воха, – вздохнул комендант и пошел за валяющимся под учительским столом «макаровым». – Приедет начальство, приедет спецназ, зачистку устроят, потом еще особисты будут полгода дрючить – вдруг у химиков чего-то секретное пропадет... Видел, как у них круто с неразглашением? Так, стоять, боец! Ну-ка, два шага сюда!

Опасливо заглянувший в класс Валетов попытался было улизнуть, но был схвачен за шиворот и отправлен к доске при помощи хорошо рассчитанного пинка под зад.

– Стоять, я вас спрашиваю! – Старший лейтенант Чирков наводил порядок на вверенной ему территории железной рукой и подкованным ботинком. – Вот с тебя мы и начнем. Соврешь – убью! Так, орел, ну-ка, колись – как у тебя с наркотой?

– Я не колюсь! – взвился Фрол. – Ну... может, и курну иногда, но влегкую. Вот честное слово, товарищ старлейтенант! Даже не каждый день ведь! Или... – Коммерческую жилку из Валетова нельзя было выбить ни пулей, ни берцем. – Или, может, вам достать нужно? Если чего не сильно крутое, я попробую...

– Ну вот, что я говорил! – Комендант посмотрел на мэра; тот вздохнул и горестно воздел глаза и руки к небесам. – А это что в аптечке, знаешь? Скажешь, не пользовался ни разу?

– Было дело, товарищ старший лейтенант, пришлось на учениях. По приказу и по обстановке, клянусь! Мы же там без этих шприц-тюбиков сдохнуть могли! – Валетов шумно сглотнул слюну, а Воха выпучил глаза и захрипел что-то не по-русски.

– Ни хрена себе учения! – Старлей с размаху опустил на ближайшую парту и задумчиво почесал лоб мушкой «макара». – Так, продолжаем разговор, мне все интереснее и интереснее. Что это за химия, знаешь? – Чирков еще раз продемонстрировал забитую шприцами аптечку. – Чего она с человеком делает? Ну, быстро: что с тобой было?!

– Не знаю, товарищ старший лейтенант, ну вот честное слово – не знаю! Не учили нас! Сказали – вколоть, я вколол, а потом помню только, что хреново было и все перед глазами плыло.

– Слышал я про это дело, Игорь. – У Вохи был такой вид, словно он сейчас заплачет и пойдет занимать место на кладбище. – Спецназ каким-то говном уколут, а потом они как роботы – боли не чувствуют, спать не хотят, ночью видят. И видят только цель и начальство, только приказ у них в голове. Ничего не боятся – а потом ничего не помнят. Замби, да?!

– Зомби, – поправил его комендант. – Я про эти дела тоже слышал, только видеть не довелось. Эй, боец, а что за учения-то были? Начальства много понаехало?

– Так точно: и замминистра был, и начальник химвойск! – обрадовался безопасной теме Валетов. – Мы там головным дозором шли, потом влипли, а Обор... то есть старший лейтенант Волков диверсантов ловил. Вот после этих учений нас и перекинули сюда, прямо ночью подняли – и в самолет! А мы и не знали, куда летим – приказали, поехали...

Мудрецкий попытался перекатиться, но это ему не удалось. Послышались сдавленные вопли.

– Товарищ старший лейтенант, развяжите командира... пожалуйста! – неожиданно вступился за своего взводного Фрол. – Ну, выстрелил, так не попал же! Я сам виноват, достал его нынче... ну, с кем не бывает! Все же нормально обошлось! А стенку... – Валетов обернулся, посмотрел на дырку от пули и нервно дернулся. – ...Стенку мы вам заделаем и покрасим, будет лучше новой!

– Слушай, не отпускай его, не надо! – взмолился глава местной администрации. – Давай его так Крутову отвезем, пусть сам разбирается!

– Не могу, Воха, не имею права. – Чирков с сожалением покрутил головой. – Я и так перегнул малость, но это еще ладно, тут крайняя необходимость была... А задерживать, арестовывать – не могу! Он мне придан, но напрямую только Крутову и его штабу подчиняется. Группа спецназначения, мать их за ногу и в сапог!.. Ладно, пусть живет. – Комендант дернул за выступающий ремешок, потом что-то куда-то протолкнул, встряхнул Мудрецкого – и Юрий оказался на полу в позе атакующего вепря. Проще говоря – на четвереньках. Голова тяжело покачивалась возле самого пола. Примерно через минуту лейтенант поднялся, цепляясь за стулья и парты. Постоял, потом пару раз присел, покрутил в воздухе руками. Сказал, глядя на обрушившийся портрет Пушкина:

– Ну вы и козлы, ребята! Вот ей-ей, я вам это припомню! Хрен с ним, погорячился, увязали – бывает. Но вот то, что вы меня сдать хотели – это, товарищи, не забывается... Дай пистолет, Чирков!

– А не обойдешься? – поинтересовался комендант, на всякий случай вынимая обойму и выщелкивая патрон из ствола. – Тебе, обкумаренному, сейчас только ствола в руках не хватало.

– Валетов, подбери патрон, – скомандовал Мудрецкий и с интонациями ожившей статуи маршала Жукова продолжил: – Товарищ старший лейтенант, немедленно верните мое личное оружие! И боеприпасы к нему!

– Я их твоему бойцу отдам. – Чирков протянул было пистолет и обойму шарящему по полу младшему сержанту, но в классе гроыхнула металлом команда «Отставить!», и все замерли. Потом удивленно посмотрели на вчерашнего «пиджака» с внезапно прорезавшимся генеральским голосом.

– Товарищ старший лейтенант, верните оружие, – еще раз лязгнул этот голос. – Аптечку можете оставить себе, она вам еще пригодится. Можете поделиться с местной администрацией. Оружие, комендант!

– Бери, пожалуйста. – Старлей положил пистолет на стол и отпихнул от себя. Юрий перехватил «макаров», подождал, пока тем же путем последует обойма, взял у подбежавшего Валетова патрон. Несколькими четкими движениями зарядил, поставил на предохранитель. Убрал во внутренний карман. – Башир, говорите? Резать собрался? Ну-ну, пусть попробует... Валетов, за мной!

Мудрецкий шагнул к двери, но остановился, услышав сзади истошный вопль мэра:

– Эй, эй, лейтенант, лейтенант! А в аптечке что, в шприцах? Зачем они? Зачем нам нужны будут?!

– А вы посмотрите, там написано, – обернулся Юрий. – Все вроде грамотные, так не только всякую хрень в газетах читать нужно!

– А-тро-пин, – по слогам разобрал полустершиеся буквы Чирков. – Слушай, знакомое что-то, но вот убей – не вспомню!

– Не вспомнишь – убью, – согласился Мудрецкий. – Точнее, сам подохнешь. У тебя в школе гражданская оборона была? Или в училище хотя бы? Что такое антидот, помнишь? Вот он и есть, родимый. Шикарная штука, нам недавно на себе пришлось опробовать. В Шиханах, когда в местное дерьмо вляпались. Вот и вы теперь этот кайф поймаете. Этот Башир ваш, он что, за «Норд-Ост» химикам мстить собрался?

– Откуда знаешь?! – подпрыгнул Воха. – Кто сказал?! Я сам только сегодня узнал!

– У меня свои источники, – отрезал Юрий, мысленно назначая рядового Заботина на должность взводного пророка, персонального предсказателя резервной спецгруппы и по совместительству начальника разведки – хотя таковой взводу и не положен. – Так вот, передай своему земляку, что, если он хочет химиков, – будут ему химики. А если уж и до вас достанет – не обижайтесь, я не из КГБ, нам ничего усыпляющего не положено.

– Эй, лейтенант, как не положено?! Ты что, химоружие применить решил?! – Комендант взвился прямо из положения «сидя на парте» и бледнеть начал еще в воздухе. – Ты знаешь, что тут будет! Тут же полтыщи мирных жителей, а если до Шелковской дотянет – так там и все шесть тыщ наберется, если не больше! Не считая наших! Какого черта ты не сказал, что у тебя боевые ОВ во взводе?!

– А вам, товарищ старший лейтенант, такие вещи знать и не положено! – едко ухмыльнулся Мудрецкий. – Сами должны соображать, умники – группа спецсредств не ваша, вертухайская, а войсковая. Из Шиханов, не откуда-нибудь. Что у нас – одна «черемуха» должна быть? У нас... ладно, если что – узнаете, что там было. Кто выживет, тому врачи объяснят. И журналисты.

– Не имеешь права! Не делай, слушай, ради Аллаха! – Воха дернулся, словно хотел встать на колени, но гордость не пустила – схватила за пояс и удержала. – Ты человек, нет?! Тут дети, не видел, нет?!

– Это вы своему Баширу скажите, что тут дети. Сколько тысяч, тоже посчитайте. Вас тут много, а у меня двенадцать вот таких пацанов. – Мудрецкий кивнул на притихшего и вжавшего голову в бронезилет Валетова. – И всех дома мамы-папы ждут. И кроме «калашниковых», –

один пулемет в «бээрдээме», и то хоть бы крупнокалиберный... Мы тут никого не трогаем, но если полезут – что есть, тем и отобьемся. А уж кого еще прихватит... Как у вас говорят – на все воля Аллаха? Так и передайте своему душману.

– Баширу, – пробормотал Чирков.

– Один хрен. – Юрий махнул рукой. – В общем, мы его ждем. Пошли, Валет, я еще все подготовить должен. Даже времени нет тебе звездюлей как следует навешать...

– Товарищ лейтенант, забыли... – Фрол потянулся к столу.

– Ага, точно, пригодится реактивчик. – Мудрецкий подхватил пузырь со спиртом. Оглядел класс. – Все, Фрол, пошли, нам тут больше делать нечего.

– Товарищ лейтенант, там сухпай еще...

– Сухпай нам больше не понадобится. Это я тебе обещаю. – Мудрецкий четко козырнул совершенно ошалевшему коменданту. – Ну, до встречи, товарищ старший лейтенант! Будет Крутов на связи – так ему и передайте: мол, обстановка обострилась, занимаем круговую оборону. «Врагу не сдастся» и все прочее... заодно противогАЗики у своих проверьте – может, кто клапан или мембрану выдрал. Бывает такое по молодости и неопытности. Честь имею!

Что-то ответить комендант смог бы только к тому времени, когда под окнами закашлялся движок броневичка сумасшедших химиков. До этого он пытался вернуть на место отваливающуюся челюсть. Челюсть упорно не желала занимать положенное по строевому уставу положение, и комендант имел выражение лица, совершенно не подходящее для его ответственной должности. Попросту говоря, вид у старшего лейтенанта внутренних войск Игоря Чиркова был дурацкий до предела. До полной невозможности мышления и общения.

Глава 2

Особенности химической защиты

Ночь была темной, безлунной и страшной. В ночи гроыхало и ревело. И хотя эти края давно привыкли к громким и резким звукам, но такого и они припомнить не могли. Это был не раскатистый гул бомбежки или артиллерийского налета, не скрежет проходящих танковых колонн и не реактивный рокот авиации. Ночь то басовито хохотала, то выла замогильными голосами, то вопила так, что окрестные шакалы поджимали хвосты и вслушивались с ужасом и затаенной завистью.

Потом раздались торопливые гулкие шаги неведомого великана, с невнятной руганью шедшего где-то вдоль Терека и, судя по всему, время от времени спотыкавшегося о вековые деревья. Великан дошел до нужного ему места, нашел подходящий по своему великанскому размеру колокол, долго и мерно бил в него. В перерывах между ударами иногда можно было услышать, как звонкое эхо возвращается от далеких горных хребтов. Наконец гигант успокоился, с хрустом улегся и захрапел с тонким присвистом. Он храпел до самого рассвета и время от времени ворочался. Большинство живых существ в окрестностях тоже отчаянно хотело спать, но удавалось это либо совсем глухим, либо совсем пьяным. И тех, и других было очень немного.

Утром из далекого Каспийского моря, как обычно, вынырнуло солнышко, и жители Хохол-Юрта убедились, что они все еще в этом мире – худшем из всех миров или лучшем, это уж кому как нравится. Но почему-то всех обрадовало, что не в каком-либо ином. Все желающие досрочно переселиться в райские кущи ушли из этих мест еще четыре года назад, и остались только почти что мирные и достаточно здравомыслящие люди.

Сизый от тяжелой ночи и последствий вчерашнего бурного застолья комендант первым делом попытался связаться по рации с поселившимся на отшибе соседом и извиниться за все неприятности – как прошлые, так и, на всякий случай, еще не совершенные и воображаемые. Однако эфир был глух и нем, только откуда-то издалека посылали еще дальше не в меру расшумевшегося «вэвэшника» совсем другие части и подразделения Пятьдесят восьмой армии Северо-Кавказского военного округа – для точности добавим, что в советские времена еще и Краснознаменного, но кого сейчас особо интересуют былые заслуги и регалии?

В общем, старлей решил действовать самостоятельно, на свой страх и риск. И страха, и риска хватало, поэтому перед выездом комендант не только отыскал исправные противогазы для всех отправлявшихся с ним солдат, но и проверил систему противоатомной защиты своего персонального «бэтэра». Система удивилась – ее не трогали со времен заводских испытаний, и она вовсе не собиралась по первому же требованию ублажать какого-то маньяка, которому в похмельном кошмаре привиделась Большая Война.

То есть люки, лючки и бойницы закрывались вполне исправно, но вот фильтро-вентиляционное устройство оказалось наглухо забито пылью всех прошедших лет и пройденных дорог. В результате избыточное давление внутри бронемашины создавалось не очищенным от всех мыслимых и немыслимых примесей воздухом, а выхлопом дизеля, всегда способным найти дырочку в любой прокладке. После третьей проверки полузадохнувшийся старлей понял, что химики его могут и не отравить, а родной «БТР-80» – запросто. Он плюнул на обочину, перекрестился на полумесяц недавно построенной в селе мечети и поехал верхом на броне. Угарные газы из легких он надеялся изгнать по дороге – за счет свежего лесного воздуха.

Когда «бэтэр» вывалился на опушку, старлей Чирков не поверил своим глазам. Протер их, глубоко вздохнул. Нет, не померещилось.

– Водила, стой! – Комендант чуть не повторил вчерашний подвиг неизвестного ему солдата, но опыт, разумеется, сказался: старший лейтенант нырнул не с брони, а под броню, на свое законное место, припал к окулярам командирского прибора, повертел его туда-сюда. Точно – за ночь повреждений в сельскохозяйственных руинах прибавилось, но теперь они носили вполне понятный и продуманный характер. Военный. Руины подготовили к обороне, и вполне удачно – старлей даже испытал некоторое чувство гордости, увидев воплощение в жизнь кое-каких своих идей и советов.

Правда, не все было ясно – например, каким образом химики умудрились без крана поднять на крышу два ржавых раскулаченных трактора, – но это можно было выяснить и потом. Главное же удалось разглядеть, и Чирков облегченно вздохнул. Бойцы спецгруппы действительно бегали, копали, стояли на постах в своей фирменной химзащите – не в каком-нибудь пошлом «ОЗК», который у всякой пехоты в изобилии, а в удобных и милых любому рыбаку и охотнику костюмах «Л-1». Однако противогазы пока что покоились в сдвинутых на бок сумках, а значит, непосредственной опасности не ожидалось. Можно было ехать спокойно.

«Бээрдээмки» на привычном уже месте возле ворот не оказалось. Ее заменял громадный детина, взмахнувший автоматом, словно милицейским жезлом, – с небрежностью и легкостью бывалого гаишника. То, что его «палочка» была в несколько раз тяжелее полосатой, здоровяка не смущало. Он на это просто не обращал внимания.

Несколько секунд страж ворот сверлил коменданта мрачным взглядом, потом все-таки решил поинтересоваться, кто это тут на бронетранспортерах с утра раскатывает...

– Двенадцать! – рокотнул могучий бас. – Кто такие?

– Девять! – отозвался старлей. – Комендант объединенной комендатуры Хохол-Юрта старший лейтенант Чирков. Где командир взвода?

– Точно, двадцать один сегодня. Очко, значит. – Гигант удовлетворенно и неторопливо кивнул. – А документы какие-нибудь имеются?

– Слушай, боец, командира вызови! Лейтенанта Мудрецкого! Мне с ним срочно поговорить нужно, а по рации он не отвечает. Давай, бегом!

– Не положено мне отсюда бегать, я тут на посту стою. – Детина со снайперской точностью сплюнул на правый угол граненого бэтээровского носа. – И с посторонними разговаривать не положено. Что же вы, товарищ старший лейтенант, устав не помните? – Взгляд могучего постового стал подозрительным. – Так что, будем документики показывать, или я того... принимаю меры к задержанию?

Комендант попытался разглядеть Мудрецкого среди копошащихся во дворе фигур в одинаковой химзащите, потом посмотрел на ощутимо поднявшееся и припекающее солнышко и полез за бумагами.

– Ага, вот... Старший лейтенант Чирков... Игорь Васильевич... – Детина явно получал огромное, как он сам, удовольствие от собственной грамотности. Потом долго сравнивал фотографию с мрачным лицом сидящего на броне офицера, нашел сходство и одобрительно кивнул. – Вроде все сходится. А я – младший сержант Простаков, замкомвзвода. Командир наш нынче занят, так что если что – я за него. Вы не стесняйтесь, товарищ старшлетнант, можете прямо ко мне обращаться.

– Мне Мудрецкий нужен, а не его заместитель! – Броня еще вроде бы не сильно нагрелась, но Чирков вскипел, как электрический чайник – быстро и шумно. – Ну-ка, давай – не можешь сбегать, пропусти, я его сам найду.

– Не положено, товарищ старшлетнант, не положено. На объекте опасные работы ведутся. Посторонним вход воспрещен. – Второй плевком накрыл левый угол, и боевая машина коменданта теперь выглядела гармонично и симметрично. – У вас же допуска по нашей части нет, и химзащитой вот, я вижу, не запаслись. Вам же хуже, если вы сейчас к нам зайдете. Мало ли что. Так что хотите – поезжайте себе, я лейтенанту скажу, что вы его искали. Не хотите

– подождите, через полчаса выйдете. Ну, может, через часок, как дело-то пойдет... Только «бэтээр» от ворот отгоните, не положено ему выезд загораживать. Во-он там поставьте! – Ствол «калаша», словно указка, наметил точку в паре сотне метров от ворот. Естественно, на самом солнцепеке. – А я вам потом махну, как командир выйдет. Или он по рации с вами свяжется. Хорошо, товарищ старшлетнант?

– Так, боец, ты чего-то не понял. – Чирков прыгнул на землю и пошел к часовому. По мере приближения он начал осознавать свою тактическую ошибку – голову приходилось задирать все выше и выше. – Я комендант, понял? Я здесь царь, бог, а главное – старший воинский начальник! Или ты за две минуты находишь мне лейтенанта Мудрецкого, или два года вспоминаешь меня в дисбате, понял?! Нет, я тебя спрашиваю – ты понял? Не слышу ответа!

– Да чего тут не понять-то? И чего кричать? – Простаков спокойно разглядывал погоны с тремя маленькими зелеными звездочками на каждом. – А вот генерал Крутов нам разрешил посылать любого, кто званием ниже его самого, на... Вас послать, товарищ старшлетнант, или вы сами?

– Боец! Смир-р-на! – Рука старлея собралась в кулак и полетела еще до того, как он смог обдумать свои действия. Потом он самостоятельно действовать все равно не смог бы, поскольку не проходил подготовку в отряде космонавтов и не был приспособлен к внезапно наступившей невесомости.

Впрочем, на орбиту космонавту Чиркову выйти не довелось – полет закончился жесткой посадкой на пятнистую и пыльную морду бронетранспортера. Именно посадкой. Точка соприкосновения с поверхностью ощутимо побаливала, вдобавок старлей чувствительно приложился плечом к открытой «ресничке».

– Не делайте так больше, товарищ старший лейтенант. – Глаза у Простакова наливались кровью. – Это уже нападение на часового получается. Так что я не в дисбат, а в отпуск могу поехать. – Для большей убедительности младший сержант клацнул затвором и пояснил: – За бдительное несение гарнизонной и караульной службы и проявленные при этом мужество и отвагу.

За спиной старлея послышалось сдавленное хмыканье приехавших с ним автоматчиков. Разъяренный комендант уже готов был залезть в «БТР» и двинуться на прорыв – гранатомета у этих химиков точно не было, – но тут на сцену вышло новое действующее лицо. Точнее, выехало.

– Леха, белая «Нива» шпарит! – раздался истошный вопль с крыши навеса. – К нам, блин!

– Ну так тормозни ее! – рыкнул в ответ Простаков и одним прыжком оказался на броне, рядом со старлеем. – Так, где там эта...

– Ага, вот сейчас какой-нибудь шахид подъедет, будешь ему права качать, – раздалось ехидное замечание коменданта. – А он кнопку нажме...

Как любит говорить нынешний губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер, «это была большая ошибка!». Не нужно было Чиркову поддразнивать Леху, совсем не нужно. И так успел завести сибиряка, да тут еще и обострение обстановки...

Словом, во двор комендант все-таки попал. По воздуху. И прямо в полете его догнала ударная волна, почему-то очень похожая на слова «Кисляк, ко мне!». Это явление несколько подпортило плавную дугу, по которой старлей двигался на территорию химического объекта, перевернуло летящее тело, зато позволило ему сохранить лицо – то есть в подсыхающую грязь он вошел не физиономией, как предполагалось при запуске, а противоположной частью. Так что на этот раз посадку можно было считать мягкой. Нынешний день у коменданта явно становился днем авиации и космонавтики...

Впрочем, не только у него. Оказавшись в результате переворота лицом к точке старта, старлей успел увидеть полет следующей экспедиции. Что-то длинное и зеленое пронеслось над головой коменданта, и тут же ему в спину ударил новый фонтан грязи, сопровождаемый

коротким возгласом: «У-е-е-ппп!!!» При детальном осмотре летающий объект был опознан и оказался водителем «бэтээра», находящимся в состоянии легкого шока и полного офигения. От ворот доносились короткие и энергичные вопли – солдаты прыгали с брони, уворачиваясь от лихо крутящегося вместе с башней ствола. Потом и матюги, и все остальные звуки растворились в грохоте торопливых коротких очередей крупнокалиберного пулемета.

«Интересно, а ленту он менять умеет? – пронеслось в голове Чиркова под эти громовые раскаты. – Или заставит кого?»

Однако вторая лента не потребовалась. После пятой очереди Простаков спокойно вылез на броню, присел на башню и скомандовал кому-то на пустыре перед забором:

– Так, а теперь ползи сюда. Ползи, ползи, не вставай! – Для убедительности младший сержант вскинул автомат к плечу. – Не слышишь, блин?! Тебе какое ухо прочистить – левое или правое?

– Это кто там был, товарищ старший лейтенант? – спросил водитель, потихоньку приходя в себя и потряхивая головой. Комочки грязи летели во все стороны, но недалеко.

– Это Воха на переговоры ехал, – вздохнул комендант и с чавканьем поднялся. – Говорил я ему, идиоту: поехали вместе! А он – да не могу, да у меня дела, да я сам! Вот теперь пусть сам ползает.

– Точно, а ведь мог бы и с нами, – подтвердил водила. – Товарищ старший лейтенант, а нам «бэтээр» теперь вернут или как?

– Вроде должны, а там – кто их знает. – Чирков пожал плечами и попытался хоть немного отряхнуться. – Это ж химики! Дикий народ!

– Ага, они самые, варвары! – откликнулся с крыльца знакомый голос. – Варвары, дикое скопище пьяниц! Не помните, случаем, кто именно это сказал, товарищ старший лейтенант?

Комендант обернулся – на крыльце стоял лейтенант Мудрецкий собственной персоной. Вид у вождя варваров был соответствующий. По серо-зеленой химзащите расплзлись полосы боевой раскраски самых разных цветов – от ярко-алого до ядовито-желтого. Скальпом поверженного врага из сумки свешивалась черная резина противогаза, засунутого туда наспех и совсем недавно – багровая физиономия лейтенанта служила вполне убедительным доказательством. В довершение всего в страшной боевой перчатке была зажата белая банка приблизительно литрового объема. Впрочем, приглядевшись, старлей понял, что отхлебывать из этой банки не получится – сверху она была наглухо закрыта и вдобавок чем-то замазана. Только торчало несколько цветных проводков. Во второй перчатке Мудрецкий держал кисточку с явными следами красной краски.

– Не помню, кто сказал, – сознался в литературном невежестве старлей. – Но в школе учили.

– В шко-оле... – задумчиво протянул Юрий. – Да, в школе меня много чему научили... Некрасов это. Николай, если не ошибаюсь, Алексеевич. Кого там расстреляли, кстати?

– Похоже, Воху. Только не до смерти. – Комендант покосился на сибиряка, все еще отслеживавшего стволем перемещения второго незваного гостя. – Машина его была, точно. С флажком на дверце.

– Это жаль, – качнул головой вождь химиков и рявкнул: – Простаков! Три наряда вне очереди!

– За что, товарищ лейтенант? – обиженно отозвался Леха. – Все по уставу, Валет и предупредительный дал... Вроде бы... И даже ракету красную, как вы и говорили!

– Я тебе не за это, я за то, что не попал! Растратчик, блин, казенного имущества!

– Так я же не насмерть, я же по машине! Чтобы задержать! – Ствол автомата разочарованно опустился. – И все равно патроны не наши, чего их жалеть-то!

– Черт с тобой, живи! Два наряда за то, что посторонние на территории! Не мог наружу выбросить?

– Дык... товарищ лейтенант... свои же! – Простаков совсем пригорюнился. – А вдруг чего – не за забором же их оставлять!

– Один наряд – за пререкания с командиром... Где там этот недостреленный? Пускай сюда идет!

– Встать! Бегом! – передал распоряжение за забор Леха и махнул автоматом. – Бегом! Еще быстрее! Прыжками, блин! Че, салабон, ни разу в армии не служил?! Командир зовет!

Через минуту запыхавшийся и краснокожий мэр присоединился к вчерашним собутыльникам. На переговоры он надел новенькие брюки, белую рубашку и какой-то немисливо фирменный галстук... Это можно было понять даже по живописным ошметкам. В общем, для ползанья по грязи и кустам наряд был самый неподходящий.

– Так, лейтенант, ты меня достал! И твои солдаты меня достали, понял, нет?! – Ярость Вохи измерить было невозможно, но вполне можно было понять. – Ты попал! И твои солдаты попали! Ты не в Шиханы, ты в Сибирь поедешь! Все поедете! Понял, нет?

– Попали? Где, куда, в кого? Вроде не видно... – Мудрецкий самым внимательным образом осмотрел жертву обстрела, даже принюхался. – Не, крови не видно. На штанах пятно мокрое, но оно даже не того цвета. Или у тебя кровь желтая, дорогой?

– В Сибирь!.. В Сибирь!.. Вы попали, да! Все в Сибирь поедете! – Мэр захрипел и выпустил глаза. – Все! Сегодня же, клянусь!

– Слышь, Простаков! – Юрий снова повернулся к воротам. – Местная администрация тебя за стрельбу хвалит – говорит, так попал, что прямо сегодня домой поедешь. Прямо-таки клянется. Нас на пельмени пригласишь?

– А то, товарищ лейтенант! Еще спрашиваете! – довольно прогудел Леха. – Вот все и приезжайте, на охоту ходим, тайгу нашу покажу! Вы... это... скажите, пусть не сердчает слишком. Я и его приглашаю, раз такое дело!

– Ну как, Воха, поехали с нами? – Лейтенант хмыкнул. – Тоже мне, придумал – русских людей любимой Родиной пугать! Благодарю своего Аллаха, что Простаков у меня снайпер – со всего, чего хочешь, белке в глаз попадет. Не то было бы завтра сообщение по ти-ви: федералы по ошибке пристрелили главу одного из сел Шелковского района, ведется следствие... Кстати, товарищ старший лейтенант, машину-то расстреляли из вашего «бэтээра», у нас во взводе и «владимировых»-то нету... И что у вас тут за разборки, чего не поделили – ну никак не пойму! Ладно, я человек в этих краях новый и временный, мне эти ваши дела хоть до фени, хоть до лампочки. Ну, чего приехали-то? У меня дела, понимаете ли. – Мудрецкий подкинул на резиновой ладони банку. На белом пластике краснела наспех выведенная надпись «ок. снар.». Чуть выше был изображен странный символ – короткая полоска с точкой над центром. – При чем такие дела, что, кроме меня, никто не сделает.

– Слушай, а чего это у тебя все прямо с утра в химзащите? – Воха перестал шуметь и теперь глядел на банку, не отрываясь. Как кролик на удава. – Учения, да?

– Учения-мучения... – Мудрецкий снова подбросил банку, на этот раз чуть повыше. В емкости что-то отчетливо булькнуло.

– Какие, на фиг, учения в такой обстановке?! Я что, вчера что-то не сказал? Вроде все по-русски было, даже без особо специальных рассуждений. Видишь? И ты видишь? – Надпись была продемонстрирована обоим гостям. – «Окончательно снаряжено». С утра их готовлю, еще десяток остался... Поэтому все с защитой – не дай бог, что-то не так сделаю, у всех только и времени будет, что в противогаз нырнуть. И то антидот колоть придется – двор для такого количества маленький, облако сразу заполнит, и пока еще сквознячком помаленьку выдует...

– Это что? – сипло спросил комендант.

Красная полоска с точкой... Где-то он такое уже видел. Вроде бы даже вспоминалось где, только вот к чему именно относился этот знак?

– Это? – переспросил Юрий, любуясь банкой со всех сторон. При ближайшем рассмотрении на крышке банки, кроме проводков, обнаружилась небольшая пробка, напоминавшая головку болта. – Теперь это химический фугас. Чем снаряжен – понятно любому химику. И не только. Вы в своем училище приборы химразведки проходили, а? Ну-ка, вопрос на засыпку: на что проверяют воздух трубкой с красным кольцом и точкой? Подсказка – я вчера вам антидот оставил, так он как раз от этого милого изобретения.

– Ты... погоди... Воха, пошли отсюда! Пошли, пока он ее не уронил! – Теперь банка загнипнотизировала и коменданта. – Ты чего, совсем охренел, лом гофрированный! Если ты эту штуку кокнешь, нас всей Европой отымеют! А ООН еще и держать будет, чтобы не дергались!

– А мне все по фигу. – Мудрецкий ласково погладил пластик. – Вот если я ее вовремя не рвану, тогда мне и Европа на... не понадобится, и Россия. Разве что пара квадратных метров за казенный счет. Так чего мы тут теряем, скажите мне, умники? Мы тут с народом посоветовались, и я решил, что ничего особенного. Баш на баш выходит, просто в одном случае помирать дольше, а во втором – интереснее.

– Слушай, а если ветер не туда? Что делать будешь? – Старлей лихорадочно искал доводы, которые могли бы остановить маньяка с нервно-паралитической отравой в руках. – Вот если за Терек унесет, в Дагестан? И вообще, как ты узнаешь, откуда на тебя полезут? Услышат про это дело и пойдут по ветру, чтобы всю твою вонь на тебя и сносило. И что?

– Да ничего! – Юрий пожал обтянутыми химзащитой плечами. – Попробуем поближе подпустить и отсидеться. Все равно на этом месте без противогаса и защиты неделю нельзя будет ходить. Обколемся и будем ждать подкрепления, час у нас точно будет. А еще у меня есть одна задумка, но после вчерашнего я вам ничего не скажу – пойдете, заложите этому вашему... башнеру...

– Баширу, – поправил Воха. – Слушай, может, я с ним попробую договориться? Только ты это... разряди, да?

– Не получится, – развел руками лейтенант. – Если боеприпас окончательно снаряжен – его уже хрен... В общем, разве что у нас в Саратовской области. На специальном заводе. Да ты не бойся. – Мудрецкий ободряюще похлопал мэра по плечу той рукой, в которой был зажат роковой фугас. – Договаривайся, я пока провода подсоединять не буду. Это дело секундное, всегда успею, а не я – так кто-нибудь из бойцов, кто в живых останется. Вообще-то эти штуки у меня на крайний случай, как последняя граната. Думаешь, я не соображаю, что тут будет? Я, дорогой, лучше тебя знаю, каково живым людям под химическую атаку попасть. Откуда эта радость у меня, простого лейтенанта, да еще и в мирное время, ты не думал?

– Я думал, – сознался старлей. – Вроде бы тебе не положено, а если бы и вез куда-нибудь – так охраны было бы больше, чем вокруг президента! Не дай бог, эти штуки местным... Прости, Воха... в общем, террористам в руки попадут. Это ж смерть всему!

– Соображаешь, – вздохнул Юрий. – Тебя бы к нам в генералы, я бы уже дома был. Элементарно, Ватсон, – ты вчера про учения сам все из Валета вытряс. Большие такие маневры, с начальником химвойск и замминистра, в Шиханах... А нас прямо с этих учений сюда и бросили. Даже собраться толком не дали – схватили все, что было, и полетели. И учти – я тебе про эти маневры ничего не говорил, ты или сам догадался, или незаконным путем из младшего сержанта Валетова вытряс... Все равно этого развездзя когда-нибудь точно посадят, так пусть хоть статья приличная будет. Государственная. Хотя... – Мудрецкий пару секунд разглядывал низко летящие облачка. – Хотя, может, и не посадят. Оставят у нас в лаборатории, для опытов. Тогда точно никому ничего не расскажет, а то суд, этап, тем более зона... Да и пускай пользу приносит народу и науке. Наука, она жертв требует – вот и принесем ей отбросы общества, она у нас по своей бедности и не такое сожрет! Пойдем лучше, покажу, что у нас еще приготовлено. На тот случай, который не крайний. Вы тут народ бывалый, может, еще что подскажите...

Первым делом они направились под навес, навстречу грохоту молотков и скрипу терзаемого железа. Одну машину Чирков узнал сразу – просто-напросто к заднице «шишиги» приделали огромный железный щит и обвешали весь грузовик мешками с песком, только узкое окошко оставили, да водительская дверь просматривалась.

– Это наши ворота, мы их почти закончили, – тоном экскурсовода в прославленном шедеврами музее пояснял Мудрецкий. – Потом жопу выставим перед забором, как раз на длину кузова, и воздух из колес спустим. Танком, конечно, можно выбить... Есть у вашего Башира танки?

– Нет, – покачал головой Воха. Потом поправился: – Раньше не было. Сейчас на вас посмотрит – может, купит, я не знаю. Деньги есть, танк найти можно...

– Ну-ну. Пусть ищет, – задумчиво кивнул Юрий. – Найдет – пусть гонит сюда, нам в хозяйстве пригодится. Хотя и своя машинка теперь получше стала. Вон, поглядите, товарищ старший лейтенант, на подвижную огневую точку. Как вам наша красавица, а? Всю ночь работали, пока до ума довели! Между прочим, мой собственный проект!

Красавица выглядела ночным кошмаром милитариста. По тонкому стволу пулемета и чуть видневшимся, зато изрядно просевшим колесам можно было догадаться, что где-то внутри скрывается все та же «бээрдээмка», на которой химики вчера приезжали в Хохол-Юрт. Однако теперь ее точно не опознали бы на посту. Да и на заводе-изготовителе – тоже. Вместо кургузого, но все-таки достаточно прилично выглядящего броневилика под навесом громоздилась почти квадратная коробка, не достававшая до земли всего-то сантиметров двадцать. Передняя часть угадывалась по прорези шириной с ладонь, задняя – по двум хитро изогнутым трубам. Выхлопным, надо полагать. Коробка была ржавой, словно всплывший со дна крейсер «Варяг», и местами сильно закопченной, только кое-где виднелись остатки серебристой краски. Сверху это сооружение венчала квадратная башня, рядом с пулеметом торчал пучок каких-то картонных трубок. Два пучка побольше грозно смотрели вперед и вверх откуда-то сзади – и эти трубки были, между прочим, стальными, аккуратно покрашенными армейской зеленой краской.

– Вы где железо-то достали, а? – только и смог выговорить потрясенный комендант. Он шумно вздохнул, повертел головой и продолжил: – У вас же только и было, что кровельное на крыше, да и то драное, никто не брал... Тут у тебя что, десятка?

– Хотелось бы, да где ж ее возьмешь в этих краях? – Мудрецкий с сожалением поцокал языком. – Пять миллиметров всего-то, больше не нашли. Зато кронштейны из рельса, не погнутся! Я понимаю, что автомат эту фигню пробьет, если в упор, но издали что-то да задержит, да там еще и своя броня имеется... которую только хреном не проткнешь, а пальцем, говорят, при хорошей тренировке можно. Главное – теперь гранатомет ее не сразу зажарит. Маленько постреляем, прежде чем провода замыкать. Ну, еще кое-какие сюрпризы есть, но это уже мелочи, это уже я сам.

– Нет, дорогой, не хочешь ему – ты мне правду скажи: где ты железо брал? И сварку где, сварку! – Воха тоже во все глаза смотрел на родившееся за ночь чудовище. – Не было ее тут, десять лет не было!

– Да ну, вот пристали вы с этим железом! – раздраженно отмахнулся генеральный конструктор и главный инженер спецгруппы. – Возле канала, как на Гребенской мост ехать, цистерна какая-то в яме валялась, вся ободранная и ржавая, в мазуте, в копоти... Ну вот я и решил: чего добру пропадать, когда родная армия в опасности? Выдернули, дотащили, разделали быстренько. Потом еще на насосной станции малость пошарили. Из штатного ничего не брали, а вот заначку нашли, вон трубы какие отличные! – Мудрецкий показал на зеленые пучки. – А со сваркой и краном совсем просто: я еще с вечера в Шелковскую смотался, на стройке за пузырь спирта договорился... За тот самый, что вчера не допили. – Юрий чуть смутился. – В общем, к утру вернули, все чинно и мирно, а за кислород и карбид мы еще и отдельно

доплатили. Честный бартер, и никакого насилия! Воха, да что с тобой? Все нормально, все тихо, никто ничего...

Мэр шатался, ухватившись за грудь, и явно собирался грохнуться в обморок.

– Та-ак, погоди, лейтенант, тут, кажется, свои дела, тебя не касаемые. – Чирков подхватил крещащееся тело и от души врезал пару оплеух местной администрации. – Ну-ка, давай, давай, глазки не закатывай, а то я сейчас тебя самого закатаю. Так закатаю, что не выберешься! Воха, кто говорил, что больше нет ничего?! Ты, гад, подставить меня решил?! Давай, колись – твоя цистерна была?

– Слушай, Игорь, дорогой, давай сейчас поедем, без лишних людей поговорим, да? – слабым голосом ответил мэр. – Тут жарко, тут химики, я тут говорить ничего не буду. Зачем нам химики, скажи, дорогой?

– А вот видишь, пригодились! Вот я тебя и поймал, вот я тебя теперь и возьму за котячье сало! Ты при свидетелях выкладывай – твоя была цистерна? Или кого-то из родственничков? Не скажешь – я тебя Мудрецкому оставлю, будешь с ним русскую литературу изучать, а с его бойцами – русский язык! Великий, блин, и могучий! Если не хочешь понимать, что я тебя спрашиваю...

Чему радовался комендант, пока что для Мудрецкого оставалось тайной здешних степей и лесов, но вот для Вохи веселого было маловато.

– Ай, не шуми, не надо! – Мэр поморщился и стряхнул с себя руки старлея. – Не моя. Племянника. На свадьбе у него гулял? Гулял! Денег семье немножко надо? Надо! Что ему, в менты идти, в гаишники? На дорогах шакалить? Немножко бензин делает, честно зарабатывает – зачем кусок хлеба у семьи отнимаешь?

– Это не кусок хлеба, это ему половина черной икры с бутерброда, – уточнил комендант. – Ты вон химикам мозги делай, бедного из себя строй. Я что, не знаю, сколько и на чем вы тут навариваете? Ну ладно, анаша – ее тут как винограда, ну ладно, баранов через Терек гоняете, а дымить-то зачем? Засекли бы твой завод с вертолета, и меня бы на эту трубу посадили так, чтобы дым из ушей пошел! Мы с тобой после того раза договаривались – больше никакой нефти? Договаривались, нет?

– Слушай, не шуми, и так голова болит! – Воха оправился от первого потрясения и теперь даже в грязной и рваной, как тряпка в казарме, рубахе выглядел большим начальником. И не просто большим, а Очень Большим Начальником. Владыкой суверенного и могучего Хохол-Юрта. – Ну договаривались! Ты тоже много чего говорил! Где две «мухи», которые в карты проиграл? Где «шмели», которые у химиков обещал достать? У меня клиент есть, он меня на счетчик ставить будет, если не принесу...

Бац! Местная администрация в лице своего главы встретила с ботинком федеральных войск и отправилась сначала в короткий полет, а потом в долгий и надежный нокаут. Старлей Чирков мрачно посмотрел сначала на лежащего партнера по бизнесу, потом на соседа, так не вовремя присланного на усиление и лезущего, куда не просили. Лейтенант Мудрецкий производил метеорологические наблюдения – проще говоря, любовался облаками. Ветер тянул из-за Терека прямехонько в сторону Хохол-Юрта. Окончательно снаряженная банка в руке командира химиков весело подпрыгивала и побулькивала. Возле «БТРа» водитель и автоматчики вяло переругивались с рассевшимся на броне Простаковым и еще одним бойцом в химзащите, свесившим ноги в водительский люк. Комендант оценил обстановку и принял единственно верное решение.

– Значит, так, летеха, слушай меня внимательно! Слушай и не говори потом, что не слышал!

– Слышу, слышу! – голосом мультяшного зайца ответил Юрий. Даже отмахнулся похоже. Наблюдения за небом он не прекратил.

– Так слушай сюда, а не на тучки любишься! Что ты там увидел, чучело резиновое? Президента на истребителе?

– Не-а. – Мудрецкий покачал головой, но на собеседника все-таки посмотрел. – Конвекцию вычисляю.

– Че-го?! Какую конверсию? Что там еще? – Глаза у старлея стали совершенно круглыми, а лицо вытянулось и посерело настолько, что Юрий еле сдержал просившуюся на язык просьбу снять противогаз.

– Конвекцию. Перемешивание воздушных потоков, – любезно объяснил Мудрецкий. – Прикидываю, на сколько километров при этих условиях шлейф вытянется, если все фугасы разом рвануть, и на каком расстоянии сохранится опасная концентрация. Километров пятнадцать получается. У тебя карта далеко? Сразу бы и глянули, кого накроет, чтобы заранее эвакуацию начать... Мы вот тут треплемся, разборки устраиваем, а злой Башир, может, ползет на берег, тащит «РПГ». Или чего у него там? Кстати, «шмелей» у нас нет, зря обещал.

– Знаю, что нет, – проворчал Чирков. – И вообще, это мое дело, что я кому обещаю. «Шмели» я и в другом месте достал бы – так вот этому все рассказывать, откуда я что привезти могу? У внутренних войск тоже свои секреты есть! В общем, ты ничего не слышал, понял?

– Понял, понял, это ваши дела, вы и разбирайтесь, – покладисто кивнул Юрий. – Мое дело маленькое – убраться из вашей Чечни и спокойно дослужить до своего дембеля. Только вот вашими стараниями у меня проблемы с этим возникают. Может, вместе попробуем решить?

– Так, давай сразу выкладывай, чего тебе нужно? – устало ответил вопросом на вопрос комендант. – Вымогатель! Террорист, блин! Устроил тут шантаж химическим оружием. Взял в заложники мирное население. Блин, таких на месте расстреливать нужно!

– Ну что ты, какой шантаж, только необходимая самооборона! – возмутился Мудрецкий. – Мне много-то не надо, и вообще все не для себя! Для службы все! Значит, так, теперь ты меня внимательно слушай. Договорись ты с местными или нет, но на всякий случай мне чем-то отбиваться надо. Кроме вот этой фигни. – Юрий еще раз продемонстрировал красную надпись на белом пластике. – И кроме наших самоделок, которых, сам понимаешь, на час хватит, а на второй – вряд ли. Не Башир придет, так Ахмед-Мамед какой-нибудь. Или Хаджи. Или Мурат. Если нас в ближайшую неделю, ну две, отсюда не выведут – скоро вся Чечня будет знать, у кого можно химию отнять. Думаешь, не найдутся желающие – если всей охраны дюжина «калашей» и пулемет? Тем более что стоим мы на отшибе, из леса в нас только что камнем не докинешь... Короче, думай сам, что тут нужно и где достать. Броников бы мне, ну, бронежилетов то есть – восемь штук, чтобы на всех хватило. Можно десяток, не обижусь, запас не тянет... Ну и, само собой, патроны, гранаты и пожрать чего-нибудь. Чтобы мы эти гранаты на рыбу не тратили. – Тут Мудрецкий поморщился и тяжело вздохнул. – Тем более что рыбы тут – коту на один зуб. Да и течением ее сносит, блин... – А где ты тут рыбачил, Юра? – ласково спросил старлей. – На Терек ходил?

– Ну а куда тут еще можно? Терек вон, за дамбой, с крыши видно. Двести метров до берега – чего ж не сходить? Только мелкий он какой-то, мутный и холодный. Мы чуть выше ходили, там рошица на берегу и омуток небольшой – хоть по шею залезть можно... А в чем дело? – забеспокоился Юра, глядя в изумленные глаза Чиркова. – Что, нельзя здесь?

– Да нет, почему же, можно, – задумчиво ответил комендант. – Если дошел, то уже все можно... Вы небось уже и тропинку протоптали? За дамбу и к кустикам?

– Есть такой момент. А что?

– Да ничего в общем-то. Просто я как-то не подумал, что вы купаться полезете, жара у нас в общем-то кончилась... Кстати, ты там никаких знаков не заметил? На дамбе? Таблички всякие, флажки?

– Было что-то, – припомнил Мудрецкий. – Выгоревшие такие, желтые, ничего не разобрать – краска облупилась. И тряпочки какие-то на гнутой проволоке болтались. У вас там что, кабель закопан?

– После дождя не ходили, не успели еще? Ну тогда поехали, шоу покажу – век не забудешь. На всю оставшуюся жизнь. Поехали, поехали, Воха отлежится – сам уйдет, только прикажи своим бойцам его выпустить. А то они у тебя ребятки суровые, службу знают.

– А то! – обрадовался лейтенант. – Кто ж их гонял! Чего ты там показывать взялся? У меня там еще банки не снаряженные стоят, надо дело закончить. Может, так объяснишь?

– Не могу, все равно не поверишь, это видеть надо. – Чирков мотнул головой. – Ихвати тех, кто чаще всего купаться бегают. Пусть тоже посмотрят.

– Н-ну ладно, как скажешь. – Мудрецкий саркастически хмыкнул. – Давай посмотрим, чего там нового за четыре дня появилось. Может, грибы после дождя вылезли, соберем на ужин. Та-ак, кто у нас... – Юрий набрал побольше воздуха. – Заботин! Резинкин! Валетов! Ларев! Ка-а-а мне, бего-ом!!! Бабочкин, на вышку – подменишь Валетова, пока не вернемся! Простаков, да верни ты «бэтээр» соседям, это же их машина! Не бери дурной пример с Резинкина, он тебя плохому научит! Бегом, бегом, бегом, не ползать, как вошь по мокрому! Заботин где? Куда опять заныкался, я спрашиваю?

– За... За... За забором он, товарищ лейтенант! – с трудом отдышался подбежавший первым Ларев. – Показывает молодым, где копать надо!

– Ну-ка, быстро его сюда! Эй, Простаков! Свистни мне Заботина!

Леха выполнил команду буквально – вложил два пальца в рот и свистнул изо всех сил. Из тех, кто оказался рядом с ним, заткнуть уши успел только привычный Кисляк. Автоматчиков шатнуло, а водитель «бэтэера», и без того контуженный недавним приземлением на голову, просто упал и даже не делал попыток подняться.

– Ну, силен! Предупреждать же надо! – Комендант потряс головой так, словно ему вода в ухо попала. – Вот так и появляются былины про Соловья-разбойника!

– Ага, только он у меня еще и Илья Муромец. Два в одном, очень удобно. – Мудрецкий повернулся к выстроившимся перед ним в какое-то изогнутое подобие шеренги бойцам. – Значит, так! Пока Забота идет, слушайте боевой приказ. Химзащиту снять, автоматы взять, каски... – Юрий посмотрел на старлея, тот кивнул. – Каски на голову! Сейчас товарищ старший лейтенант обещает показать нам шоу, которое будет круче нашего фирменного бега словников и отжимания с песнями!

– Это точно! – снова кивнул Чирков. – Такое покажу – никакой водки не надо! Круче, чем молотком по роже! Ну-ка, товарищи пляжники, рыболовы, романтики, показывайте, где у вас тут тропинка. Да, и еще – скажите своим, чтобы не пугались, если там взрывы будут, стрельба... Сейчас я вам покажу, какая здесь рыбалка бывает!

Последовала недолгая суэта с ожиданием Заботина, освобождением от химзащиты, проверкой оружия и инструкциями Простакову, что делать с Вохой, когда тот очнется и начнет впустую искать коменданта, справедливость и выход с занятой химиками территории. Долго ли, коротко ли, а минут через пятнадцать все, кого пригласили, уже стояли возле поросшей полынью высокой земляной насыпи. За бугорком даже не слишком опытное ухо могло различить отдаленный шепот струящейся воды.

– Вот тут вы бегаετε? – уточнил на всякий случай комендант, вглядываясь в растоптанный до частичного обрушения склон. – И все время в одном месте, новые тропинки не пробовали прокладывать?

– Да ну, зачем? Нам и этой хватает! – удивился Заботин. – Да и времени особо не было – пока обустроились, а потом дожди начались... Может, и найдем, где удобнее, если не уедем.

– А что такое, Игорь? – забеспокоился Мудрецкий, глядя на крепко задумавшегося «вэвэшника». – Мы тут что, помешали кому-то?

– Да нет в общем-то. Только новую тропинку не прокладывайте, не надо. Эта самая лучшая, я вам точно говорю. Пошли, покажу, какие еще варианты есть.

С кряхтением и невнятными воплями химики взбирались по раскисшему откосу. Старлей взлетел на него втрое быстрее и подждал остальных, внимательно разглядывая речные берега и гребень дамбы. На нем и в самом деле тут и там виднелись облезшие где до желтизны, а где до белесой серости фанерные таблички и розовато отсвечивающие тряпочки на изогнутых буквой «Г» ржавых проволочках. Тропинка спускалась к берегу как раз между двумя такими кривулинами – справа до проволоки метр и слева метр.

– Все собрались? А теперь смотрите внимательно вдоль тропинки. Можете даже чуть спуститься, только ногу ставьте точно там, где протоптали. Иначе никакого шоу уже не получится, зато зрители сразу превратятся в участников.

Все начали с интересом вглядываться в приглаженную ливнем землю.

– А что мы вообще должны увидеть, товарищ старший лейтенант? – наконец поинтересовался Валетов. – Тут много чего: камешки, стекляшки, тряпочки, банки какие-то консервные в землю вросли... Что нужно-то?

– Нужны те консервные банки, которые почему-то не проржавели, – любезно объяснил старлей. – Зелененькие такие, коричневенькие тоже могут быть. Пластмассовые. Знаешь, какая редкость – консервы в пластиковых банках? Ну, еще могут крестики пластмассовые попадаться, с твою ладошку примерно. Не видишь таких? Особенно возле тропинки посмотри.

– Во, теперь вижу! – обрадовался Фрол. – Вон банка, уголок виднеется. Блин, а ведь чуть не растоптали! Ага, и крестик чуть подальше! Вот поглядите, товарищ старший лейтенант – во-он там, метров десять отсюда, около самой тропинки. Почти на ней самой, левее чуток. Видите?

– Вижу, вижу, – успокоил комендант. – А теперь все смотрят на этот крестик! Приз в студию – первым обнаружил клад младший сержант Валетов! Начинаем основную часть нашего шоу, работают все камеры! Все работают? Все видят крестик возле тропинки?

– Вроде все, – пожал плечами Заботин. – А чего тут не разглядеть? Так бы мимо прошел и не заметил, если бы не показали... Ну, может, ковырнул бы, посмотрел, что там такое, если бы увидел. Только мы, товарищ старший лейтенант... – Боец с опаской оглянулся на настороженно присматривающегося и прислушивающегося Мудрецкого. – Мы тут все больше ночью бегали, не видно было ни черта. Так, тропинка чуть светлее, ее и держимся.

– Держитесь, товарищи, крепко держитесь, – закивал комендант. – Так, всем держаться крепче, к откосу не соваться, все внимательно смотрят на крестик! Сеанс чеченской магии!

Старлей сорвал с плеча автомат, вскинул приклад к плечу, тщательно прицелился и ударил по крестик у длинной очереди. Волшебный эффект был достигнут почти сразу: на краю тропинки распустился огненный цветок, тут же исчезнувший в брызнувшей глине и сером клубящемся облачке. Грохнуло, зазвенело в ушах. Тут же последовали еще две очереди, завершившиеся не менее эффектно. Когда комендант поменял магазин, возле проторенной химиками тропинки дымились три небольшие ямки.

– Ну как вам наше шоу, господа товарищи бойцы? – довольно оскалился Чирков. – Как вам наш пляжик и прогулки к нему?

– Охудительно. Сразу такая легкость во всем теле образуется, только внизу что-то жмет, – выразил общее мнение очнувшийся первым Мудрецкий. – Нет, ну предупреждать же надо!

– А знаки на что? – возразил старлей. – Ну надписей не осталось, но флажки-то саперные можно было узнать?! Что, и в самом деле на курорт приехали? Мирный район – так можно расслабиться и под ноги не смотреть? Тут еще в первую войну наши накидали, чтобы за дамбой никто не лазил. Потом чичики – чтобы наши с той стороны не перешли. Во-он там, чуть ниже, видишь, место узкое и лесок на том берегу? Там еще и перекатец небольшой, по пояс глубиной, и дно – галечник. А если еще вода упадет – вообще ниже колена, в ваших бахилах

пройти и не промокнуть. Только не советую. Говорят, наши уже в эту войну там растяжки поставили, так не все еще сработали. А проржавели от воды или нет – это не выяснишь, пока не дернешь. Вот такая тут рыбалка... Кстати, омуточек, куда вы повадились, – это нынешним летом «грач» перелетный полутонку нечаянно уронил. Ну, бомбу, «фаб-пятьсот». Так что если еще раз пойдете – ноги берегите, об осколки порезаться можно.

– Нет, спасибо, как-нибудь потом. Если кто-то захочет, – пробормотал Юрий. – Ты лучше скажи, почему мы их раньше-то не видели? Они тут что, и в самом деле после дождика растут? Грибочки, блин, бляхо-мухоморы...

– Да нет, не растут, просто как сильный дождь – откос чуть подмывает, какая-нибудь да вылезет. Иной раз вообще вымоет, водой вывернет, покатится мина вниз, ну и кувырнется... Или камешек сдвинется. Его потоком с размаху на крышку бросит – тот же эффект. Капитан вообще рассказывал, что поначалу каждый раз ездили смотреть, не подорвался ли кто. Потом привыкли. Осенью, говорил, каждую ночь по взрыву, даже начали байку рассказывать про Черного Сапера... Пойдем, по дороге расскажу, а то там моя гвардия заждалась уже, да и Воха давно очнуться должен.

Воха и в самом деле очнулся очень давно, попробовал, как потом выяснилось, самовольно уйти с объекта и при этом сказать что-то нехорошее Простакову, который его не хотел выпускать и предлагал посидеть в караулке до возвращения начальства. Разумеется, глава местной администрации очень бурно отреагировал на подобное предложение. Он произнес очень много слов, касающихся морального и физического облика часового, который, как гласит устав, вообще-то лицо неприкосновенное, а также сексуальных наклонностей и предпочтений родителей этого часового. На красный свет, постепенно разгоравшийся в глазах химика, никто не обратил внимания. Слишком много слов сказал глава администрации, и не все, к его последующему глубокому сожалению и искреннему раскаянию, он произносил на родном языке – а русской-то речью Леха владел в совершенстве...

В итоге, чтобы гостю не пришлось скучать до прихода командира, младший сержант Простаков порекомендовал разъяренному мэру заняться физкультурой. В большой пользе спортивных занятий замкомвзвода убеждал своего собеседника вначале рукой, потом прикладом автомата и в довершение всего ботинком.

Этот ботинок возлежал на поясице, мерно погружающейся в ближайшую к воротам лужу. Лужа сыто булькала, принимая в себя плотненькое тело мэра, потом с разочарованным хлопаньем выпускала его. Леха вспомнил, как благотворно действовали отжимания на культуру саратовских «крутых», и решил провести ту же процедуру. С поправкой на жаркий южный климат. В душе он был все-таки добрейшим и мирным человеком, к тому же прекрасно знал, каково неподготовленному человеку выполнять это упражнение на солнцепеке. Поэтому, рассудил Простаков, организму потребуется охлаждение, а для предотвращения солнечного удара он даже пожертвовал кепкой. Не своей, правда, но у него и размер был несколько больше, чем нужно. Зато у рядового Кислого – в самый раз, а Кисляк все равно сейчас торчал в тенечке у ворот, облаченный в каску и бронезилет.

Узнать в болотном монстре, ритмично всплывающем из грязи, вчерашнего гостеприимного хозяина не было ни малейшей возможности. Да еще и кепка эта...

– Та-ак, это что за неуставник! – заорал подбегающий Мудрецкий. – Ты что, горилла сибирская, вообще охренел?! Дедушкой заделался, молодых гнобишь?

Из-под кепки на лейтенанта смотрели мутные остановившиеся глаза мертвеца. Впрочем, тело еще жило. По крайней мере были живы руки – они ритмично сгибались и распрямлялись. И еще слышались какие-то слова, но разобрать их пока что не было никакой возможности.

– Прервать немедленно! Что здесь произошло, Простаков? Это вообще кто такой?

– Я – болотный чмо, – замогильным, но каким-то знакомым голосом сообщил монстр. – Как я а-апу-ух! – и руки снова распрямились. – Как я а-аху... – руки согнулись, и конец фразы поглотила булькающая жижа.

– Прекратить, я сказал! Ты что, мосол, не слышал? Да я тебя местным продам – будешь вместо быка пахать, если мозгов нет! Ты что натворил, козел таежный, а?!

– А чего он ругается? – обиженно отозвался Леха, но ботинок с поясницы все-таки убрал. Потом нагнулся, брезгливо вытащил тело из лужи и встряхнул. Химзащиту сибиряка густо усеяли серо-коричневые брызги, и она стала похожа на какой-то диковинный камуфляж. Руки жертвы продолжали ритмично двигаться, но говорить у живого мертвеца уже не получалось, поскольку Простаков выловил и приподнял мэра за то, за что было удобнее, то есть за обрывки галстука. Опускал он его медленно-медленно – чтобы, не дай бог, не уронить. – Вы знаете, товарищ лейтенант, я его даже зауважал! – доверительно сообщил сибиряк. – Вот так с ходу сто семьдесят... нет, уже сто восемьдесят один качок сделать – это ж не у каждого на гражданке получится! Да еще с моей ногой!..

– Все, звездеч, нас тут теперь на хрен вырежут раньше, чем мы понять успеем! – Мудрецкий обреченно прислонился к борту «бэтэра». – Простаков, я же сказал – придержать, а не задержать! Просто чтобы не ушел, пока мы не вернемся, – мягко, осторожно! Вежливо, блин!

– Да ну, я и так вежливо! Он проскакивает, я его аккуратно во двор переставил, а он дерется! И матом ругается, да еще и не по-русски! Был бы он офицер, я, может, и потерпел бы еще немного, а то – шишка целого села, туда же мне! – В зрачках сибиряка мелькнул багровый огонек. – Я вот каждому такому еще буду заглядывать...

– Эй, Воха, Воха, все свои! – Чирков помахал рукой перед мертвецкими глазами. – Все, дорогой, все, мы уже пришли!

В ответ руки вытянулись перед телом, потом снова резко прижались к плечам. Резинкин тихо присвистнул:

– Где-то я уже такое видел, товарищ лейтенант... Помните, я вам рассказывал, как в отпуск ездил?

– Это когда ты тачку из дурдома угонял? Помню, – слабо отозвался Мудрецкий. – И что теперь?

– А давайте-ка я попробую... – Витек подошел к спятившему мэру и вдруг заорал: – Отставить! Вольно!!!

Никакой реакции – несчастная жертва физкультуры продолжала толкать перед собой невидимую поверхность.

– Не получается, – пожал плечами Резинкин. Потом его осенило: – Леха, а давай ты! Это ж твою команду он в последний раз выполнял! Может, он теперь только на твой голос реагировать будет?

– Да можно, чего ж не сказать-то? – Простаков пожал плечами, откашлялся, поглядел на окруживших его товарищей и решил убавить громкость. Почти шепотом, но четко скомандовал: – Отставить!

Руки мэра остановились на середине движения и повисли в воздухе.

– И что теперь? – прошептал Леха.

– Слушай, а он в армии-то служил? – так же тихо поинтересовался у коменданта Мудрецкий.

– Служил, – прошептал старлей. – Еще в советской. В стройбате. А что?

– Да ничего, но если я прав, то нас не вырежут. Может, все и обойдется, – пробормотал Юрий. – Так, Простаков, скомандуй «Смирно!».

Строевой выправке местной администрации мог бы позавидовать кремлевский полк.

– А теперь «Направо!» – У Мудрецкого в глазах появился азартный блеск.

Мэр выполнял команды сибиряка четко, как часовой у Мавзолея.

– Ну все, живем, славяне! – Командир химиков облегченно вздохнул и вытер со лба испарину. – Ф-ф-фух-х, что-то припекает сегодня. Так, химики, слушай мою команду!..

Через полчаса мэр был вымыт, причесан, переодет в почти что новый камуфляж, и Мудрецкий с Простаковым увели Воху в бывшую слесарку, а старлей Чирков лично встал на посту у дверей, чтобы никто не помешал важному разговору. Сеанс психотерапии окончился успешно: больной вышел на крыльцо совершенно самостоятельно, дружески поздоровался с комендантом, а при виде собственной «Нивы», исклеванной бешеным дятлом с клювом калибра почти полтора сантиметра, только бодро заметил: «Дембелю все по херу!» После чего лихо поправил кепку и полез в люк «бэтэра».

– М-да, чудны дела твои, господи. – Чирков почесал бритый затылок. – Слушай, может, его машину пока здесь оставим, чтобы народ не смущать? А то если я ее в село приволоку, там такое начнется...

– Это наши дела чудны, и чем дальше, тем чудесатее, – не совсем понятно ответил командир химвзвода. Потом посмотрел на коменданта весьма странным, каким-то отсутствующим взглядом и небрежно похлопал по плечу: – Не дрейфь, все будет обалденно! А машину... Машину ты сейчас подтащишь к дамбе, а дальше мы ее на ту сторону перевалим. Поскольку неизвестный злоумышленник, пока мы тут с мэром обсуждали важные вопросы, дерзко угнал ее прямо из-под носа у часовых, после чего мы ее обстреляли, и перепугавшийся угонщик сдуру рванул прямо в сторону Терека. А вот успел он выскочить или нет, это мы как-нибудь потом проверим – если у кого-нибудь желание возникнет туда соваться.

– И ты думаешь, кто-нибудь в такую лажу поверит? – скривился старлей. – Да тут даже собаки к реке не ходят – боятся! Тут можно отару пасти – ни одна овца дальше гребня не пойдет, только твоим долбодятлам все по...

– Ну, если бы собаки и овцы могли машины угонять, тогда, конечно, все печально, никто не поверил бы. А вообще-то, – Мудрецкий довольно оскалился, – если тебе надо будет из собаки шофера сделать, привози к нам. Простаков с Резинкиным научат. Так что не бойсь, все путем. Главное, что сам Воха сейчас твердо верит, что все так и было. Ты уж его не расстраивай, бедного, ему и так тяжело – полез наверх, нашу вышку посмотреть, и споткнулся. У нас лесенка паршивая, сам знаешь. Ну, вот и пару шишек приобрел, затылок рассадил. Может, там вообще сотрясение... – Тут Юрий откровенно заржал, как конь Медного всадника. – Было бы чему сотрясаться, матушку Простакова не вспоминал бы! Он у меня, знаешь ли, из семьи со старыми традициями. Сибиряк, таежник, с пулеметом на медведя ходил, рысь голыми руками душит! И маму любит, ну вот больше, чем замполит Родину, клянусь! Так что твой мэрский друг легко отделался. Зато сейчас ему Простаков – лучший друг, желанный гость... Как это здесь говорят – кунак, что ли? Ну и я заодно – тоже очень уважаемый человек, как-никак отец-командир лучшего друга... Да, вот еще что. – Юрий неожиданно забеспокоился. – Ты со своими гавриками-то поговори, а то у бойцов вечно язык без костей: расскажут все, как было, потом будем дерьмо лопатами ловить. Красное. Понял?

– Сделаем, – кивнул комендант. – Слушай, а если он теперь опять... того? С катушек упадет?

– Тогда сразу к нам. Блин, фирму откроем, вывеску нарисуем: «Мудрецкий и Простаков – скорая психиатрическая помощь. Ваши буйные утихнут навсегда!» Да, и еще: будут какие-то проблемы... Ну, там, опять не поделите чего, разборки будут... Ты, главное, его случайно чмом болотным не назови. Каким угодно, только не болотным.

– Это почему? – не понял Чирков. – Какая разница? Все равно чмо – оно и есть чмо. Хоть ушастое, хоть японское.

– Вот ушастым или японским – сколько хочешь, а болотным – чтобы ни-ни. Ты просто запомни и так не делай, хорошо?

– Да ладно, как скажешь. – Старлей поправил кепку, на миг замер, потом повернулся к Мудрецкому: – Слушай, химик, все забываю спросить: что у тебя за стволы на «бээрдэеме» появились? На корме, с обеих сторон? Что, карманный вариант «града»?

– Вроде того. – Юрий отвел глаза в сторону – туда, где под навесом дремало ржаво-серебристое боевое чудовище. – Система залпового огня «стальное копьё» в два удара сносит все, что шевелится. При снаряжении жидким топливом поражающий эффект усиливается... ну, раз в несколько точно. Секретная разработка одного из выпускников саратовского госуниверситета. Хочешь, в действии покажу?

– Лучше не надо, на сегодня разрушений хватит, – задумчиво ответил комендант. – Ты, главное, когда стрелять будешь, на село не наведи случайно. Там еще и мой взвод, кроме прочего населения. А на башне что?

– А-а, это вообще мелочовка, – махнул рукой Юрий. – Считаю, спецэффект для большой дискотеки. Гремит, воеет, мигает и зажигает. Причем все это одновременно и в бешеном темпе. Так, на всякий случай поставил – а вдруг пригодится? Зато поворачивается вместе с пулеметом, очень удобно. Ладно, давай двигай понемногу, а то у тебя дембель в «бэтээрэ» заждался уже!

– Какой дембель?! – выпучил глаза старлей. – Приказа-то еще не было!

– Кому не было, а кому и был. Думаешь, как мы твоему дружбану мозги на место ставили? Он у нас за неполный час все два года прослужил! Сначала мы его мобилизовали на службу, все как положено. «Духом» был – отжимался, потом дослужился до «черпака», до «деда» и ушел на гражданку... Все чин чинком, мы ему и сто дней до приказа отметили, и на дембель проводили. А напоследок объяснили, что он так круто служил – сам президент его заметил. Так что приедет Воха в родной Хохол-Юрт – его сразу главой администрации назначат, только сначала, пока не освоится с новой работой, пусть слушается коменданта, старлея Чиркова – тот все знает и поможет.

– Ну спасибо, удружил, – комендант прожевал и проглотил рвущееся на свободу слово. – И что я теперь, еще и за него все делать должен? Да я же не знаю, что там к чему и у кого какую бумажку подписывать!

– А тебе и не надо будет. Вот он приедет, сядет за знакомый стол, увидит бумаги и сам все вспомнит, – не совсем уверенно ответил Юрий.

– Все?! – грозно спросил Чирков.

– Ну, или почти все... Ну, хватит, хватит, время не ждет! Давай вези его домой, а мы пока что его тачку оттащим помыть. Пыльная она у него какая-то, точно?

* * *

– А в Чернодырье сейчас ужин дают. Картошечку, наверное... – Валетов лениво, как проснувшийся кот, потянулся и перевернулся на другой бок. Некстати подвернувшийся автомат обжег плечо накалившимся на солнцепеке металлом, и Фрол сердито отодвинул оружие подальше. – Вареную, с рыбкой... Витек, картошки хочешь?

– Издеваешься, да? – Лежавший рядом Резинкин на мгновение оторвался от бинокля и укориженно посмотрел на приятеля. – Какая тут картошка – один рис и макароны!

Солнышко уже опустилось настолько, что не обжигало и не жарило, а только слегка припекало. Самое лучшее время для загара – вечер и утро, Валетов об этом читал. Не пропадать же такой возможности, в самом деле? А то скоро обратно в Россию, а шкура бледная, как у... Надо будет лейтенанта спросить, какие звери бывают бледные от недостатка света, он биологом когда-то был. И выбрать что-нибудь солидное – все сравнения, приходившие Фролу в голову, к себе он даже в мыслях применять не хотел. К другим – пожалуйста. И в любом случае, проблему с отсутствием загара следовало срочно решать, пока это еще возможно. Поду-

майте только – приехать с юга и не загореть! А как это, скажите, объяснять девушкам? Можно, конечно, похвастаться, что света белого не видел, из танка не вылезал – обстановка не позволяла... Но, с другой стороны, получится, что младший сержант Валетов только и делал, что отсиживался под броней. Вместо того чтобы одним своим бравым видом разогнать всех экстремистов, террористов и сепаратистов, снять бронезилет и наслаждаться природой.

Собственно, бронезилет он и так снял. И все остальное, кроме трусов, тоже. Что являлось несомненным и злостным нарушением устава, поскольку младший сержант Валетов и ефрейтор Резинкин не просто вылезли на крышу, а заступили на пост. Однако заслуженного и сурового возмездия со стороны лейтенанта Мудрецкого можно было не опасаться – командир взвода успел поужинать и теперь всю пользовался законным правом отоспаться перед ночным дежурством. Разбудить его сейчас мог только выстрел или какой-нибудь идиот, которому срочно потребовалось бы начальство с ценными указаниями. В окрестностях Хохол-Юрта не стреляли уже третий день – с тех самых пор, как местное население удостоверилось в высокой боеготовности резервной группы специального назначения, а также в намерении этих бешеных химиков отравить всю округу. Вместе с собой. В случае чего. По агентурным сведениям, полученным от торговых партнеров Валетова, это привело к некоторому росту напряженности в других районах Чечни, куда потянулись на заработки несколько помятые соплеменниками минеры-любители и снайперы-профессионалы... Впрочем, оперативная обстановка очень мало интересовала Фрола. По крайней мере до тех пор, пока не касалась его самого – ну, или кого-нибудь из приятелей. Или покупателей. Или продавцов. Поэтому сейчас следовало ловить спокойный момент, расслабиться и приятно завершить еще один день, приближающий к неизбежному дембелю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.